

СМЕНА

№ 11 июнь 1970

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Московское метро. КОМСОМОЛЬСКАЯ СТРОЙКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

**Пятилетке — мастерство
и поиск молодых!**

ТОЧКА ПРИЛОЖЕНИЯ

Валентин СУЩЕВИЧ, инструктор ЦК ВЛКСМ

Рассказ о мероприятии,
которое,
захватив всех,
помогло
молодым рабочим...

То, что предложил директор Днепропетровского агрегатного завода Николай Александрович Вахрушев, вначале не укладывалось в сознании. Что, он сам под собой сук рубит? Иначе как объяснить разрешение в его собственном хозяйстве провести ревизию? И ревизию вот какую: сравнить ребтам из Красногвардейского района ВЛКСМ средний разряд выполняемых работ со средним разрядом молодых рабочих-станочников. Николай Александрович наемную тогда им — и это могло показаться странным, — что разряд у молодых рабочих, на его взгляд, будет ниже. То есть признался Вахрушев райкомовцам, что не все у него на заводе в порядке, и дал санкцию на исследование причин.

Так началась вся эта история. Началась инициативой сверху, началось правдой сводок, лицевых счетов, тарифной сетки. Райкомовцы все сразу стали экономистами, а Вахрушев — вроде бы человеком посторонним, который ходит, посматривает и результатов ожидает. В общем, так это выглядело со стороны, а по сути, все знали, что раз не боится директор рекламировать свои цифры, значит, ему это выгодно.

Потом, через некоторое время, он придет в райком и скажет ребтам спасибо за ревизию. Но это потом. А пока выстраивается на странице столбик цифр, идет урок экономики и арифметики, и на отдельном листочке красным цветом обводятся цифры. А они были вот какими. Разрыв для 18-летних превышал 2, 19-летних — 1,5 и 20—22-летних — 1 разряд. Цифры потребовали анализа и раздумия. А тут новые, проглянувшие за этим наблюдения: на самых молодых приходится более половины и нарушений трудовой дисциплины и увольнений. А в тех цехах, где брак редкость, если он и появляется, то старшими молодым рабочему. Пришли данные и с других заводов — агрегатный исключением не был.

Что же это за феномен такого молодого незаинтересованного рабочего, для которого не прийти на работу так же естественно, как прийти, и перемена завода не смущает, не угнетает, а воспринимается как шотландское бесполое, чужака и перемена мест?

Феномен феноменом, а делать что-то было нужно и не только во имя выполнения плана — что тоже весьма существенно, — а прежде всего во имя самих молодых производственников. Их надо научить работать и любить работу, надо научить — назовем его так — заводскому патриотизму. Но как? Перед нами еще мальчишки. Самым определенным из их жизненных планов является уход в армию. До него еще год, полтора, два,

Как их прожить? Можно с полной выкладкой. И тут же вопрос: «А нужно ли? Могу же я после армии сюда не вернуться, чего мне стараться?» И еще: «В армию забегаю — будь здоров! Могу и отдохнуть!»

Вот тогда и решили попробовать конкурсы по профессиям. На заводе на райкомовцев замахали руками: «Каню там конкурсы! Да они же еще работать-то толком не умеют, а вы — конкурсы по профессиям. Вот для опытных — дело другое».

Для опытных... Вот ведь куда как проще с ними! И дело знают, и место работы зря не меняют, и заработок приличный имеют. И конкурсы по профессиям, которые казались таким не годящимися для молодых, проводили с ними легко и просто. На них демонстрировались неожиданные приемы работы, рождались рацпредложения, а смотреть на соревнующихся было одно удовольствие.

И все-таки... А если попробовать с молодыми! С теми, кто переступил порог завода всего год-два назад, со вчерашними выпускниками профтехучилищ! Что даст конкурс им! И даст ли вообще что-нибудь в понимании пресловутого феномена незаинтересованного рабочего?

Райкомовцы, не откладывая дел в долгий ящик, выработали положение о конкурсах молодых станочников, определили средний возраст участника для каждого разряда. Это было самое простое. Первый конкурс решение было провести для токарей 2—3-го разрядов на заводе металлоконструкций № 2. Организаторы волновались, пожалуй, больше, чем участники — еще совсем мальчишки. Когда они все собрались, сразу стало очевидным, какое непростое дело начали. Со «стерничками» все, даже в смысле организации, было проще. Как проходил первый конкурс, может, и не стоит сейчас вспоминать, а вот письмо, которое написал после него 18-летний Михаил Соловьев, привести следует:

«Я впервые в жизни понял, что имя «рабочий» но многому обязывает. И главное — трудиться с максимальным использованием резервов, быть передовым человеком, примером на производстве... В тот день я вынес желание работать еще лучше, чтоб завоевать право и в следующий раз поехать на подобное соревнование».

Обратил внимание в этом письме на два момента. Первый: парень вынес желание работать еще лучше. Это вот та самая прямая выгода, которой добивался Вахрушев, когда предоставил комсомолу провести на заводе невыгодное для себя сравнение. Но есть в этом письме второй момент, который не менее существен. Для Миши Соловья хорошая работа плюс

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

смена
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года

Выходит два раза в месяц

№ 11 [1033]

НОЯЬ

1970

Наша обложка! Диспетчерский пункт метрополитена.

Фото Виктора САКНА

Фотоочерки «Метро днем и ночью» — на страницах 4—8.

12

БРАТСТВО ПО ОРУЖИЮ.

Рассказ о жизни, боевой учебе воинов Национальной народной армии ГДР.

16

ЦЕХ ХОРОШЕГО НАСТРОЕНИЯ. Репортаж из рабочей столовой.

20

БРУСТВЕР ВДОЛЬ КАНАЛА. Суэцкий репортаж Владимира НИКОЛАЕВА.

28

НАДЕТЬ БОЕВЫЕ ПЕРЧАТКИ. Статья о спортивных клубах для молодежи.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

**РЕПОРТАЖ О ВСЕСОЮЗНОМ СМОТРЕ
ТЕХНИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА МОЛОДЕЖИ**

ПОВЕСТЬ ЭДВАРДА РАДЗИНСКОГО

«МОНОЛОГ О БРАКЕ»

ПОСВЯЩЕННАЯ ПРОБЛЕМАМ МОЛОДОЙ СЕМЬИ

КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ. САХАЛИН И САХАЛИНЦЫ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Г. М. Гусев, Е. А. Долматовский, К. Н. Замосшкин, Р. Ф. Казакова, А. П. Кулешов, А. С. Лавров, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], В. В. Луцкий [заместитель главного редактора], Е. И. Рыбчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник]

Художник О. С. Теслер

Технический редактор Н. И. Будина

смена 1

Духовые оркестры

***

Грубы,
горячие яростным пламенем,
Вальсы, и танго,
и марши победные.
Как ты свинался
с народным дьяволом,
детства и юности
музыка медвоя!

Медь,
раскаленную жарче, чем тропики,
гордо несли
музыканты-дистрифрин.
Все из себя выдували,
не мулили,
если играли
На сопках Маньчжуркии.

Брани бестрепетно
ноты высокие
туберикулом закрытые легоне.
И окисленные медные клапаны
золотом
с пальца обтеренных капали.

Нет.
Ты от музыки этой не справишься,
гордо идущей разрушенным
городом.
Как не узнать в бледной
плащанице

маму свою,
взмороженную голодом!
Медными искрами солони
разбрызгано,
бомбою сердце твое
разворочено.

Вот ты и сам
в тележке замыганной
фрусом мальчишней
стоишь у обочины.
Люди веселые,
сытые,
легкие,
помяте ль эти оркестры далекие!
победные,
Родину амлюю,
музыку медиую!

Опять спешит тревога посеместно
по проводам, натанутым струной.
А кто лежит солдатом неизвестным
под древнею Кремлевскою стеной!

Под красный мрамор
по брусчатке хрустной,
кого сюда перенесли навеки!
Быть может, это русский
парень русский,
а может быть, грузин
или узбек.

Торжественная музыка негромко
касается печального, меня.
И видится мне черная каюка
на пламени у Вечного огня.

От трудного солдатского волнения
сама в кулак сжимается ладонь.
Кто хочет нас поставить на колени,
пущай сперва задует тот огонь.

Весна

Ходит вечер в звездной нелке,
И осенняя пора
Рыбой птицей
Блещет в клетке,
В клетке нашего двора.

И по щедрому закону
Желтый лист
Кладет она
То на плечи —
Как погоды,
То на грудь —
Как ордена.

Ты, кума, меня пожалуй
Пощелуем наугад,
Я застывший и шальной,
Как осенний листопад.

Прошную простое имя,
Вспыхнут она,
Сгинет тьма,
И зубьям золотым
Засмеются все дона.

На асфальт ронять блики,
От моста и до моста,
Электрической улыбой
Улыбается Москва.

МАЗЫ

Какие мощные машины,
они похололи на мучени.
Какие двери, кузов, шины!
Да это гвардия машин!
Едва шофер его заводит
и тронется грузыня МАЗ,

нам чудится:
собака выходит
на вечный труд
рабочий класс.
Идет строительная масса
на юг,
на запад, на восток.

И на плече огромном МАЗа,
как знамя, плещется флажок,
и будут перерывы рекою,
добыта черная руда,
маша это мирное дающее
не остановит никогда.

Светили утром
сириничным свещам,
в черной банке отпарня грехи,
вдруг войдешь в этот свет
полотенцаев,
на котором поют летучи.
И душа расплывается заранею,
и в углу каждый образ знаком,
и стоит золотое сияние
над топленными в печи молоком.
Ушинами подстывает серьезная,
очень медленно движется мир.
Для меня эта горница —
крестная
самых лучших московских квартир.
Пусть поэты за славою не гонятся,
не мечтают, чтоб вдруг повезло.
Пусть стих наш будет,
как горница,
чтоб осторожно в них жить
и светло.

Горница

Поэма прощания

Давай простимся с ящиками.
Здесь,
на обитом шоссе,
давай простимся с лошадаки
в шлы доносной
и росе.

Запомним красноречиво сбрун
и в гриве равные лент цветасты.
Давай по-братски расцелуем
нузры, овиш, вороних.

Какая горькая потеря!
Наша ступица красе!
Из глаз у искреннего зверя
мужская скатится слеза.
И он печально улыбнется,
глубокий вздох загонит вглубь,
но слова ушора не сорвется
с его звериных добрых губ.

Мы на заре эпохи ранней
свободных, динок лошадей

уворвали, как цыгане,
у солнца, ветра и степей.
Гремели грозные атаки,
в предсмертном хрипе вновь
и вновь
мы в общих битах, как кунами,
веремешли нашу кровь.

Одних руть-ев мы воду пили,
и мылись мы в одной реке,
и в связках ноги говорили
на человеческом языке.

Гудят турбинны, словно турбы,
проняйте железные мосты.
Проняйте, барзатные губы,
копыта, гривы
и хвосты.

Проняйте, бешеные коздрн,
хмельная песья ящичка,

шальной, в лицо летящий воздух,
крытые пенные бока.

Прощай, равнинное пространство,
прощай, тревожащий стук сердца,
прощай, голодный конь
и крестьянский
и сытый царский жеребец.
И инут ремешки,
инут суровый,
и мерный топот,
и свист и бег,
возок Натальи Гончаровой
и заунывный скрип телег.

Давай простимся, как мушкетеры,
не на года,
а навсегда.

Мы современные машины
так не полюбим никогда.

ИМЕНИ ЛЕНИНА

МЕТРО ДНЕМ И НОЧЬЮ

Юрий ЛЕОНИДОВ,
Виктор САКК (фото)

В

забой прорвалась вода. Услышав крик комсомольца Ратникова, Ребров и Штерн побежали и цигу. Вода была со всех сторон. Ребров сбросил с ног и он, перевалившись вниз головой, полетел в тоннель. Водный поток достиг первой перемычки. Перемычка не выдержала.

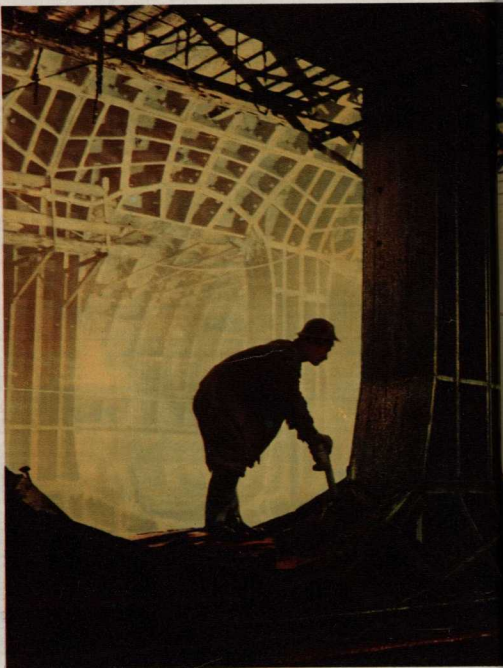
Июньская встал на ноги, мокрый Ребров командовал:

— Давай мешки с песком, сено! Как по конвейеру, пошли мешки с песком, тюки сена. Ребровцы работали по горло в воде.

Тридцать пять минут боролись они со стихией и победили. Новая перемычка перекрыла доступ воде.

Этот эпизод привожу из книги «Как мы строили метро», изданной в 1935

году. Тогда была пущена первая очередь метрополитена. За строительство метро комсомола Москвы наградили орденом Ленина. Тридцать пять лет длится удачная комсомольская стройка — в мае Московский метрополитен имени В. И. Ленина отпраздновала эту дату. Сменялись поколения строителей, многие, получив новые специальности, приехав в различные службы действующего метрополитена, а подземный транспортный гигант столицы продолжает расти. Сегодняшние комсомольцы Метростроя и метрополитена продолжают традиции первопроходцев.

Подземная стройплощадка.

Тимур Бригаев — комсомольский вождь, олимпийский строитель.

Все начинается с проекта.

Новая станция — «Коломенская».

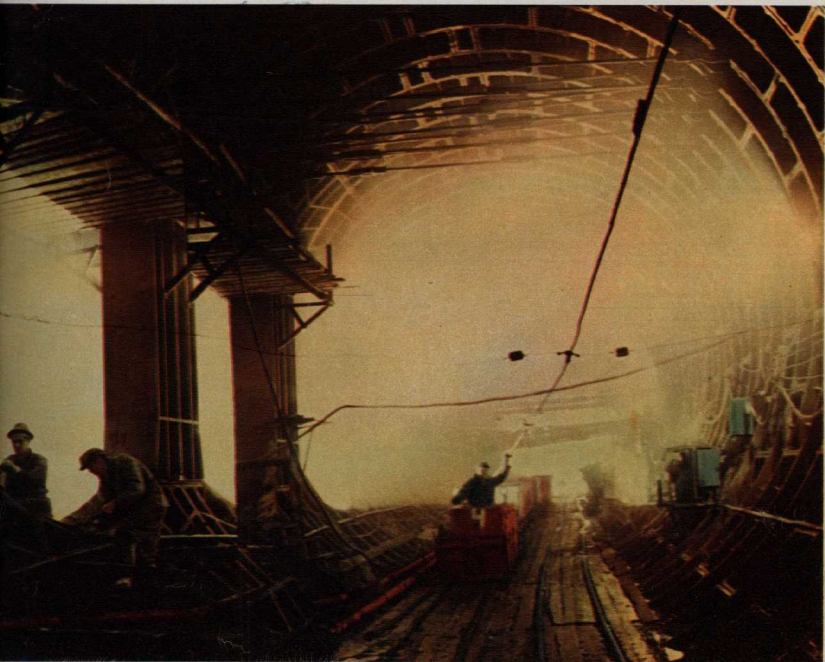
Ворвались снова к кинго. Номсомовская бригада Владосниго после сбоями осталась на бетоне. Надо было уложить 300 кубометров и сделать это очень быстро. Эскалаторы для наклонных ходов уме звать в пути.

Большой Владосский ночью приехал в шахту. Собрав своих ребят, он им сказал:

— На последнем этапе строительства сражаться нам нельзя. Надо дать 200 кубометров в 48 часов.

Бригада согласно с Владосским. Двое суток номсомовцы не выдохнули из наклонного хода...

Наклонный ход готов. Эскалаторщики начали монтировать движущиеся лестницы. Проходчики, бетонщики

и тисысты наклонных перешли на монтаж. И здесь, на совершенно новой, неизменной работе, номсомовцы себя показали. Всего восемь дней по плану каркасы были установлены в два дня. На установку ступеней давали по полторы минуты. Бригада Пушкина ставила ступень в 47 секунд. 1 065 ступеней Кировской станции были установлены в течение двух суток.

Еду на мотовозе, минуя «Кировскую», «Азербайджанскую», «Прогресс Маркса»...

В ярком ночном освещении тоннель обнажает свой возраст. Но пусть свод его старомоден, как котелок Чарльз Чаплина,— под этим сводом

прошел первый поезд Московского метро! А во время войны тоннель был бомбоубежищем. По ночам на досках, положенных прямо на рельсы, спали женщины, дети... Известна такая цифра: с июня по декабрь 1941 года в Московском метро родилось 213 детей! Какой рожимостью, каким профессионализмом мужеством обладали работницы медицинской службы метро, принимая в ту пору роды — иногда прямо в тоннеле...

И сегодня в метро случаются роды. Фельдшер станции «Белорусская-Кольцевая» Зоя Меркулова не зря специализировалась в Боткинской

больнице как акушерка. Ей уже трижды пришлось в метро принимать роды — последний раз в день пятидесятилетия Советской власти. Она надеяла в этот день лаковые туфли и уже хотела подняться вверх — посмотреть салют, как в зарывнутке пробежала дежурная: «Женщина плохой!» И родился мальчик весом в 3 100 граммов, ростом 49 сантиметров. Отец бежал по платформе, крича: «Мальчик! Мальчик!»

Но вернуться к той ночи, которую я провела в метро. Со мной вместе на мотовозе ехал старший дорожный мастер дистанции Владимир Волков.

— Почему вы выбрали в метро новую профессию? — спрашиваю Волкова.

— Уже клонит ко сну!

— Нет пока что.

— Ну и отлично. Тогда доведем до «Юго-Западной», а назад пешком... А почему работали ночью? Мне было так удобно, когда в МИИТе учился. Здесь у нас в службе пути много студентов. Я ж получаю диплом и вижу, что к этой работе привык, так и остался здесь... Значит, пройдемся по шпалам!

И мы прошлись от «Юго-Западной»

до «Университета», встречая немногих рабочих, которые, осмотрев константный ремень над нитие коммуникации, коротко сообщали, что все в порядке.

Путь по шпалам однообразен. Но Владимир Волок и его дяденьки друг по комсомольской работе старший мастер околотка Владимир Крылов, который шел с нами до «Проекта Вернадского», однообразия пути, естественно, не ощущали, ибо экскурсионно оценивали, не нарушена ли где-нибудь безупречная готовность тоннеля к встрече первого поезда.

И, наконец, давня веха профессиональной наблюдательности. Волок заметил белое пятнышко на черной коже своего левого ботинка.

— Соль влезла, которой улицы посыплют, — сказал Волок и достал из кармана бархотку.

— А про собаку вам Володя еще не рассказывал? — спросил Крылов.

И, оживившись, они повелили мне во всех подробностях историю некой собаки, которая прошлой осенью надруг объявлялась на станции «Комсомолец», а потом ушла в тоннель. Ее добывали лишь около «Саргитниной» и торжественно завезли на улицу.

Оба мастера были рады, что наконец рассказали мне нечто необычное.

На «Проекте Вернадского» Крылов поднялся на платформу, а мы пошли дальше, и, когда до «Университета» осталось не более полукилометра, однократно мигнули лампой, давша первое предупреждение, что пора покидать тоннель.

— Уснем, ток включат лишь в пять двадцать пять, — сказал Волок, ставя левую ногу на ремень и заводя бархоткой галифе на ботинке.

И вдруг на шахте разразился «бунт», взбунтовались девушки... Они пришли и инженеру Штерну.

— Почему нас не пускают в несессе? И даже на номинатор не пустят... Что мы, хуже других?

Не добившись толку у Штерна, пошли к начальнику цеха Мандаров. Но и оттуда ушли ни с чем. Ходили девушки и к начальнику шахты и в МОСПС. И вслуду им отвечали:

— Ниндзя нельзя. Женщины в несессе не работают и работать не будут. Запрещено законом.

Кто-то шути посоветовал обратиться к Михаилу Ивановичу Калинин. Он, мол, законы издает, он и изменить их может...

Назавтра девчата уже сидели приемной Михаила Ивановича. Но и товарищ Калинин не разрешил. А когда вернулись на шахту, встретили Штерна.

— Уладим с вами. Остаются в бригаде. Будете работать на откатке перед шлюзами, а бригада одна, что в несессе, что здесь...

Там закончился «бунт» девчат. И начала Рая шлюзовать и вышлюзовывать ребят, а Лев Фролов гонять вагонетки...

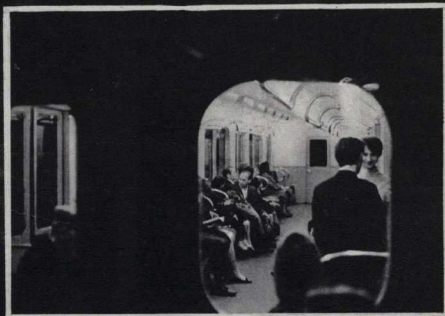
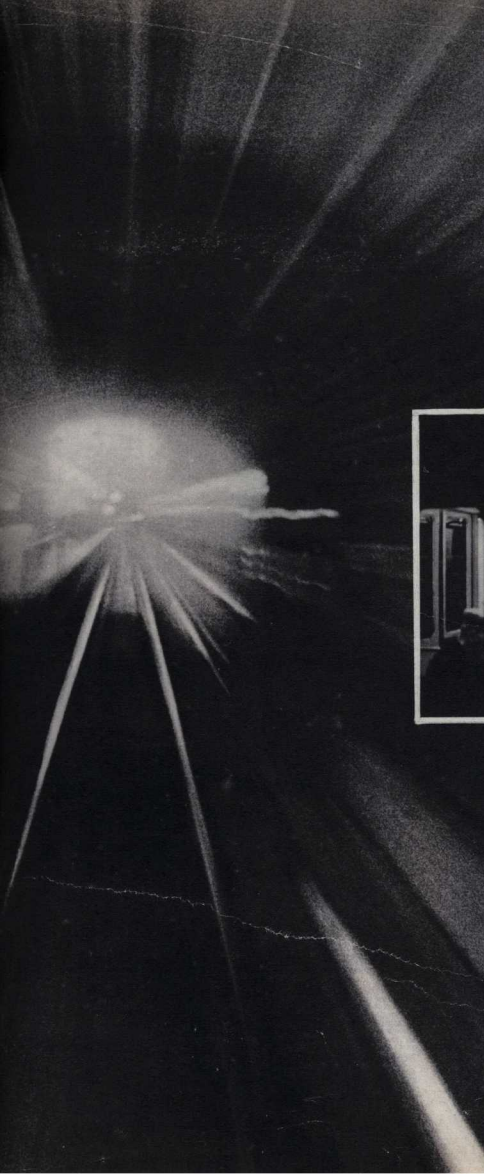
— Я еще в школе учился, когда попал на экскурсию в дело метрополитена «Измайловская». И сразу решил, что работать в метро — самое лучшее в мире дело. — рассказывает доктор XVI съезда ВЛКСМ, помощник машиниста метрополитена Лев Сидоров. — В армии учился водить машину, аума: сейчас машину возжу, а буду водить метропоезд. Пришла из армии — и сразу в дело «Измайловское». Взяла электриком, потом поступила на курсы... С прошлого года работаю помощником машиниста на новом, Ждановском радиусе. Помогло водить, а иногда и сам возжу — я уже получила права машиниста! — наш комсомольско-молодежный поезд. Таких поездов в Московском метрополитене четыредцать. В день рождения Владимира Ильича Ленина наш поезд работал на сжиомаэинной электроэнергии. Отключит машинист порывшиеся

Жизнь метро многогранна, но главное в ней — движение.

6 смена

ЗЕЛЕНАЯ КРОВЬ ВЕСНЫ

Родион РЕБАН

РАССКАЗ

еоторое время они смотрели с крутого берега на реку, и плоты, возвращаясь, на каждой реке поднимали стада скоты, они стояли и смотрели минули или две. Река была та же самая, и так же несло по ней лдины, но каждый раз они смотрели так, будто набрали совсем на другой, незнакомый им берег. Все еще шла бошья вода, и никто не ве, что оказался в реке при ударе лдыной воды на ее чистый снег иглы. Давно, еще утром, прошли лдины с кусками зимних дорог — санная колея с сеной тропы, — а теперь шли лды необычных мест, чистые, редко когда со следами росмахи или льса.

Братья вырсыли лес прямо на берегу, чтобы легче было сбрасывать бревна в воду и вьзвать их в плоты. Бревна, ровные в вершине и в комле, кедровые и несколько лиственничных на основании и на свляку, лежали по краю обрыва беспорядочной грудой, и заманчиво было бы толкнуть хоть одно, проследить, как оно сплывало вниз, как сопротивлялся, комлем покатиется к обрыву, замерет над ним на какое-то мгновение, а потом вроде бы медленно, но стремительно уменьшася, полетит вниз. Вода раздается в обе стороны от бревна, как бы до дна, и сомкнется над ним, и вырсыли бревна уже никогда неже по течению. Но никак нельзя было еще рано, вода еще не сплыла, да и лес не весь еще готов. И братья, постоая с батогами, поглядая в который раз уже на реку, медленно поднимались обратно и тайгу, тут только вспомяни закурить. Заводили бензопилу «Дружба», осматривали очередное дерево со всех сторон, задирали голову и, придерживая на затылке шапку, судили, куда дереву падать.

Хорошо им было вдвоем, как-то свежо после надоевшей зимы, и можно было ходить, в какую сторону ни захочешь. А это после одной-единственной прощальной сбеку их деревенской земли, до утрам всегда заносимой так, что первый шепсел пробирался ощущать, как работ, после того тропы радостно было привыкать к свободе, шастать, куда твоей душе угодно. Сохранялись кое-где под выворотнями, под обрывком и в чаще снег только продолжал свой родост, не давал привыкнуть скоро.

Главная же радость была не в этом, а в ожидании результата их работы, в том празднике, который они здесь готовили и который начнется сразу же, как они вернутся домой...

Праздник же этот, однако, начался еще зимой, когда младший из братьев, Никита, объявил о своем желании жениться, когда тогда на дворе запрагали лошадь, а отец в горнице, с трудом вгоняя пугливую в туго пельку новых штанов и чертыхался, ругая Никитову старомодность, потому что какой же дурак сейчас начнет дело со сватовства, а потом еще и оказалось, что Никита и в самом деле, в деревне, и отец крикнул, что распрагали, а потом все вымакли из деревни на осветленный простор заснеженной реки и мимо прорубей с подсиженным светом вокруг, вмах пошли на ту сторону, потому что девушка Никитова жила там, в другой деревне, за рекой. Никита сидел в санях с развалившейся по лицу бородой, забавно зашкатутил на плечу, брат же, Федька, наоборот, как только намотал на кулак ножки и не заслонялся от комьев снега, полетевших на него из-под комья, сразу же заприставил, раскраснелся, закосился на окна, хот бы вылом своих старых покатался, что не так просто, как едет на деревню, похохатывал, оглядываясь на брата. Отец сидел рядом со своим младшим, тоже смиренный, страшас позорного отказа, однако Федьку не обраывал, иначе б оставалось только повернуть...

Он уже не пытался взглянуть на Никиты, что-нибудь новое. Видел, и все. Где видел, сколько разов и говорил ли? Не говорил и сколько разов видел, не считал. Видел, и все. Как хоть август, из какой семьи? Чья она? — посмотрел отец сбоку так, будто намеревался спихнуть Никиты с саней. В конце концов в отце толкучко сострадания и силы, который, нагнув голову, ослепленный и оглушенный, пошел к своей гибели — лны к счастью. Повернуть его, встряхнуть, чтобы очнулся, уже невозможно было. И пока ехали, отец вдруг отлежас, согрелася, наконец не то воображением, не то воспоминанием о чем-то своем. Он представил себе девушку на том пологом берегу, где только не было снега, а росла трава, и за девушкой на пороге тайлы и несе прохладная, как сурб, белая глыба черкушки. И сам он на лодке пристае к этому берегу... Картина была грустной, оттого ли, что давно уже нет той девушки, матери его сыновей, оттого ли, что никак не подобрать лица для этой другой, вообразимой, потому что слишком невозможным было представить бытие интине «Никитина невеста», да и не успев, подыждали уже; черкушка та, занесенная по решетчатые окна снегом, проплыла сбоку, избы победы навстречь одна другой...

Обычно все происходило хорошо и ладно. Оказалось, что Никита и Настя как-то вместе в машине ехали в город и действительно не обменялись друг с другом и словом, а, как и все, стоя в кузове, орал песню, но в придорожной чайной уже сидели в равных углах и уже старались не смотреть в сторону другого, и в начале ичания какой-то молчаливый спор... Дело только встало за кулак: где молоком жать? В се ли деревне вли у него, Никиты. Отец, все более усаяя себе, что дело обошлось, заподло рассердился на старшего своего, который все знал и был уверен в благоприятном исходе, иначе зачем же ему было вьзаться по дороге, подыждать на прамеивших свое спавило хатывать лд ними. Он выткнул Федьку по спине рущий, и, так как никто не понял и не мог бы понять такого действия, оба со значением и с краткой приязнью — долгое и слышим явное привело бы их в смущение — взглянули друг на друга. И хот спорный вопрос не казался отцу столь важным, закосился ему куражку, как заквашенная настойка на чем-то своем, и он наотрез отказался отпустить сына из дому.

Дело же это было не совсем простым. Деревня Коржико, где жила невеста, считалася «большой землей», отсюда до города и до железной дороги было рукой подать, на ту же сторону им моста не было, ни парома, ходили на лодках и то только после длительного половодья. И считалася та сторона и деревня все там захолустнее, пригодном разве что для стариков, привыкших к своей земле. И если случалася свадьба,

Рисункон
Геннадия НОВОМИЛОВА

грязная рубаха, сам же Федка исчез. В следующее мгновение самого Никиту какой-то беспрерывной силой сбросило с плота, лицом вниз, по плечу шорнуло будущее дно, и тут он отпрыгнул от себя чото-школьное и мерзкое, облепанное гноем, поплыл, что это Федкина рубаха. И на нее оно кружно глотнуло воды и не сразу поняв, где берег. Где-то слышались крики, но все это росло безобразно в образных злов на верхнем конце и так начало толкаться, будто его засасывало. Потом бревно чом-то поделало синюю, и оно исчезло. Никита изо всех сил поплыл к берегу, стараясь не столкнуться с растерванными бревнами, и, когда ноги коснулись дна, ему никак не удавалось встать, но то убегающее движение ему нити-то силы уже кончались. Федор, ближе его находившийся к берегу на плоту, уже стоял на черевячках на теплых камнях, и плечи его выдрагивали—инака. Никита выбрался наконец и лег с ним рядом.

— Фредка как же так? Обидно быстро ranesло шпирь и дальше, будто подкинул их в воду в разное время. Передние, где-то за километр, оказались в солнечном бассейне.

— Вот тебе и прируб,—затрассе еще больше лавина Федор, но ты вылезай в напале, не то пераю смеясь.—Вот тебе и дом!.. Вот тебе и!.. Как-ка!..

— Ничего не понимаю!—Никита был перед своей головой толпился в камень и, кажется, заплывать был готов.—Почему же не понимаю! А?

— А!..Ха-ха-ха! Уууо-йю-йю... Ооой, не могу!

Никиту тоже подмывало расхохотаться, нависая, по лбу, раздробит руки, какая-то неодолима слабость уже подталкивала его злость, седела силы.

— Погоди, Федка! Ты чего-нибудь понимаешь? А? Понимаешь, а? Никита ведь только на небо. Сроду нормально проскакивали... Стой! Слышишь...

— Ага,—Федор, тоже насторожа, поднял голову.

Совсем где-то рядом лесом пробирался трелевочный трактор. И как только его услышали, поверну туда голова и соорбакая, чего бы это ему тут было досадно, как в трелевочном тракторе слыли различимы и еще какие-то посторонние привкусы: вроде бы слыли механические понывания, что-то постукивало и ухало, дае доносило человеческие голоса. И эти голоса слыли с парней первый смех.

— Бате-что теперь сказать? —уже озабочился Федор.—Ну слышно, а вот плути-ка мы неслышим. И ружье тоже. И топоры. А?

— Не знаю. Может, помять?

Но Федор даже не отозвался на такую глупость. А трактор между тем нажался, приближался. И только они догадались и посмотрели в небо, а не плути-ка и вот к ним начался, у нас не надлетает?

Такая вдруг не то важность, не то слабость нашла на Никиту, так вдруг обрадовался незнакому этому трактору, неуверенно стоявшему поодаль и буднично пригласившему закурить, что он, будто переживая какую опасность и везуща какое одиночество, встал и пошел к нему, но земля перед ним начала подниматься стеной, и он устало привалился к этой стене лицом...

Отнулся он в кабине трактора. Работая сукла болела и была горячая и жмедела. Федор, одетый в ватник тракториста, полуболимым, но все равно трем им тут было тепло, и тракторист адавала своими рычагами выдле колени Никиты.

— Ты чего? Никита! Ты чего? —сказал Федор, когда Никита от него откатнулся и повел крупом покрашенными глазами.—Воды не то слышай? Или бревном тебя? А?

— Не... Не знаю. Чего эт у меня сукла—будто кирпичном кто?

— Счас,—сказал сбоку тракторист,—счас-а. Тут у нас и медикнут именяе и все такое.

— Какой медикнут? —не понял Никита.—Мы где сит-то?

Но он уже равночаривался перед вагонкой, азеленой-а толстых полошек-бревах, ко жугатам электророворотов, убегающих из раскрытых дверей вагоны во все стороны в лес. Никита, плуясь, что его сейчас вышлет под руки и поведут, сам выпрыгнул и забежал в вагонку. Бего...

— Ты иди туда,—слышал он слова тракториста,—может, бабу какую встретишь, она лучше нас соорбит, чего делать, а в попру туда. До медикнута-то, вправду сказать, еще далеко. Но я живню...

И трактор отхвлял. Наступила тишина. Никита стоял ступлю оттого, что не знал, куда идти дальше. Нужно было идти домой, чтоб не вылезались вря и что дома он олежится, надо идти домой. Но не хотелось как-то двигаться, и кнолило в нос. Половую вагончика занимала передвижная электростанция, штабелями возмшилась выше стень какие-то бумажные пакеты, и стоял стол, и на нем прикопченный чайник. Заблеще было в теле ручица чашка с дольщиками ремешком нечетко тякали то быстро, будто толкнул под кучей каких-то васенок, то совсем медленно, вот-вот остановится. «Испорченные, что лит?»—подумал Никита и прислушался. И тогда слыли пошла нормально.—Внячик, время у меня, в голове помню...—догнала Никиту. Он услышал, как кто бежал к нему сюда, еще издавля услышал, и опять это торсионный бег непонятно как растянулся во времени. А когда он уже устал ждаться и отлевался, вдруг стукнула единственная ступенька перед дверью, и в вагон ворвался Настя.

Он влезнул в вагон посмотрел мимо нее в проем двери, будто ожидая появления еще кого-нибудь, еще более нежданного, чем Настя, чтоб уж совсем его тут доконали, все неожиданности разом. Но там никого больше не было.

— Ты чего? —спросил он глупо. И сам понял, что глупо, он только видел перед собой doorway—иначе зачем же ей было так бежать?—доброго Настя со строгим лицом. И она еще глупее спросил:—А Федка где?

Но она не отвечала, она не слышала его, а смотрела на него так, будто все еще бежала и не могла никак остановиться, и взгляд ее все еще, как на бегу, выражал ужас: жила ли? Никита смотрел на нее, таковы неожиданно незаметно, и лицо у него под этим неясным взглядом начинало теплеть, он почувствовал, как теплая кровь смывает под кожей все это расслапаченое лицо и скапливается, набухает в рабшотой сукла.

— Куда вас понесло-то, мужиков окояных, делавь вам нечего! —не своим, придуманным насмех, бабым каким-то голосом сказала Настя.—Дон сие еще придумала какой-то!

Никиты все не узнавая Настя. Он ожидал, что она, как и он сам, смутится и потерается, а она вот как, сразу нахально, подхватила гдето услышанный ею голос, так сердитый и наставительный, будто уже давно женой ему была, и вот он ударил от нее в свою тату и слова ей не давали, но обидно ей смертельно. И Никита, не сознавая, что делает, жиде подхватил игру.

— Понимаешь, адем, и ничего, а тут—р-рав... Даже, понимаешь, соорбитая ничего не успел,—сказал он вынотно.

И горе-то мне с вами! Хоть бы снавал, куда запротестасы, от чуужих скоро и напористое счастье.

— И бы снавал, так ведь река же...

— Снавал... Давая чуть превняжу. Герой больше мне. Чем же я тебя превняжу?

— Да не надо, так займется.

— А морей-то! заведоло вдруг догладялся Настя и даже руками всплеснула. Ну-ка, выжимайтесь! Простыньщевь даже, ничего-то сами не соорбитай.

Никита при этих словах почувствовал, что и вправду его знобит.

— Да ну! —запротестовал он.—И так выхотит.

Никиты все не узнавая Настя, ожидался, что она, как и он сам, смутится и потерается, а она вот как, сразу нахально, подхватила гдето услышанный ею голос, так сердитый и наставительный, будто уже давно женой ему была, и вот он ударил от нее в свою тату и слова ей не давали, но обидно ей смертельно. И Никита, не сознавая, что делает, жиде подхватил игру.

— Понимаешь, адем, и ничего, а тут—р-рав... Даже, понимаешь, соорбитая ничего не успел,—сказал он вынотно.

И горе-то мне с вами! Хоть бы снавал, куда запротестасы, от чуужих скоро и напористое счастье.

— И бы снавал, так ведь река же...

— Снавал... Давая чуть превняжу. Герой больше мне. Чем же я тебя превняжу?

— Да не надо, так займется.

— А морей-то! заведоло вдруг догладялся Настя и даже руками всплеснула. Ну-ка, выжимайтесь! Простыньщевь даже, ничего-то сами не соорбитай.

Никита при этих словах почувствовал, что и вправду его знобит.

— Да ну! —запротестовал он.—И так выхотит.

Никиты все не узнавая Настя, ожидался, что она, как и он сам, смутится и потерается, а она вот как, сразу нахально, подхватила гдето услышанный ею голос, так сердитый и наставительный, будто уже давно женой ему была, и вот он ударил от нее в свою тату и слова ей не давали, но обидно ей смертельно. И Никита, не сознавая, что делает, жиде подхватил игру.

— Понимаешь, адем, и ничего, а тут—р-рав... Даже, понимаешь, соорбитая ничего не успел,—сказал он вынотно.

И горе-то мне с вами! Хоть бы снавал, куда запротестасы, от чуужих скоро и напористое счастье.

— И бы снавал, так ведь река же...

— Снавал... Давая чуть превняжу. Герой больше мне. Чем же я тебя превняжу?

— Да не надо, так займется.

— А морей-то! заведоло вдруг догладялся Настя и даже руками всплеснула. Ну-ка, выжимайтесь! Простыньщевь даже, ничего-то сами не соорбитай.

МЫ В СОВЕТСКОМ РАБОЧИМ БРАТСТВЕ

● Товарищ министр, какое место в жизни социалистического общества занимает, по вашему мнению, оружие?

— Это зависит от конкретной политической ситуации, от степени угрозы со стороны верного противника. Не следует забывать, что мы живем в мире, где империалисты ведут постоянную подготовку к агрессивной войне. Социалистическое общество, то есть мы с вами, должно, следовательно, иметь оружие, и притом самое совершенное, подобно тому, как любой город обязан держать в своем хозяйстве новейшие средства борьбы с огнем.

● Какими качествами должен обладать воин современной армии социалистического государства?

— Прежде всего следует помнить, что мы находимся на переднем крае классовой борьбы рабочих, всех прогрессивных сил. Препятствие делу рабочего класса плюс четкое управление современным оружием и техническими боевыми средствами, а также готовность и способность выдерживать очень высокие физические и психологические нагрузки современного боя — вот что, по-моему, составляет основные качества солдата рабоче-крестьянской армии.

● Из каких родов и видов войск состоят вооруженные силы Германской Демократической Республики? Какие из них особенно популярны среди вашей молодежи?

— Национальную Народную Армию ГДР составляют сухопутные и пограничные войска, военно-воздушные силы и «Фольксмарин» — народный «военно-морской флот. Есть у нас бронетанковые и парашютнодесантные войска, ракетные и артиллерийские части, а также войска противовоздушной обороны, куда входят истребительная сверхзвуковая ракетосная авиация и специальные наземные ракетные подразделения. Это особенно охотно служит наша молодежь? Пожалуй, в авиационных, морских и десантных войсках. Впрочем, романтический привкус службы в этих частях, как мне известно, притягивает и советских молодых людей.

● Каковы традиции Национальной Народной Армии ГДР, товарищ генерал!

— Наша армия черпает их из истории революционной борьбы немецкого рабочего класса. Это бои на баррикадах в Берлине 18 марта 1848 года. Это восстание на кайзеровском военно-морском флоте в 1917 году, восстание моряков Киля в ноябре 1918 года. Мы всегда будем помнить революционную борьбу дивизиона морской пехоты в 1919 году в Берлине. В нашей памяти навеки останутся имена защитников Ваварской Советской республики, бойцов Красной армии Ура. Неизгладимы в памяти рабочих батальонов, которые ввели пролетарскую борьбу в Средней Германии в 1920—1921 годах. Гамбургское восстание 1923 года. Союз Красных фронтовиков, группы Сопротивления в фашистских концлагерях. Немцыские интернационалисты в Красной Армии, антифашисты в советском, польском, чехословацком, югославском и французском парти-

Беседу с министром национальной обороны Германской Демократической Республики генералом армии Гейнцем ГОФМАННОМ и репортаж с борта сторожевого корабля Народного военно-морского флота ГДР ведет специальный корреспондент «Смены» Евгений Месяцев

занском движении — их традиции бесмертны и непоколебимы.

● Чьи военно-исторические труды имели, по вашему мнению, наибольшее значение в строительстве вооруженных сил ГДР?

— Прежде всего, конечно, это работы Маркса, Энгельса, Ленина: «Гражданская война во Франции», «Анти-Дюринг», «Военная программа пролетарской революции», «Государство и революция». Программа дальнейшего совершенства нашей вооруженной сил я считаю статью, выступления Вальтера Ульбрихта. Нам очень помогают военно-исторические труды М. В. Фрунзе и М. И. Калинин, современные работы советских военачальников.

● Ракетно-ядерное оружие призвало настоящую революцию в военном деле. Как в связи с этим переобнаряжена Национальная Народная Армия ГДР!

— Мы хорошо знаем обо всех изменениях в военном деле. Многие генералы и офицеры нашей

армии окончили советские высшие военные учебные заведения, то есть по своему профессиональному уровню они достигли мирового уровня. Генералы Советской Армии, а также командования Объединенных Вооруженных силками делятся опытом с нашими офицерами во время общих учений. Большое влияние на офицеров армии ГДР оказывают и специальные советские литературные наши дни, в частности книга Маршала Советского Союза В. Д. Соколовского «Военная стратегия».

● В Советской Армии настоящая военная жизнь начинается для молодого человека с принятия присяги. Существует ли подобная боевая клятва в Национальной Народной Армии ГДР!

— Несомненно! В нашей армии это также наиболее торжественный момент. Молодые люди в армии ГДР клянутся на верность своему народу, партии и знамени своей части, у памятников жертвам фашизма, у могил бойцов Красной Армии, павших за дело о национальные памятники.

● Товарищ министр! Вы не раз встречались с нашими молодыми воинами в частях, на полигонах, на кораблях. Какого вы мнения о советских солдатах и офицерах?

— Это прекрасно подтолкнуло к любому жизненным ситуациям молодые люди. Я, поверьте, говорю без преувеличения. У них превосходные моральные качества. Нам, членам делегации Национальной Народной Армии, всегда особенно приятно видеть, что советские воины отлично знают жизнь ГДР, прекрасно разбираются в делах нашего экономического, политического и военного развития. Мы могли не раз убедиться в искренней дружбе и абсолютном доверии к ГДР и ее армии. Я далеко от сентиментальности, но меня всегда глубоко трогает то, что двадцатилетние люди так хорошо знают, за что они будут сражаться. Им чужды национализм и ревизионизм. Они относятся к нам, как к братьям.

● Как известно, служба в армии или на флоте дает молодому человеку в СССР одну-две чисто гражданские профессии. А какие навыки получает за время военной службы молодежь ГДР!

— Здесь отличиям в зависимости от специальности из Советской Армии. И у нас, например, артиллерист, отслужив положенный срок, может затем работать строителем-подъемником. Связист пойдет работать радио-техником. Танкист сядет за руль трактора или грузовика. Наше народное хозяйство всегда очень охотно берет на работу бывших воинов.

● В ноябре прошлого года вошла делегация ГДР, которую вы возглавляли, в нашу страну. Как вы оцениваете это визит!

— Как встречу товарищей по оружию. Кроме того, для нас это посещение — весьма большая работа: мы встречались с видными советскими военачальниками, обсуждали с ними проблемы развития оборонно-промышленности нашей страны, успехи всех стран социализма.

У экранов радиолокационных станций — офицеры противовоздушной обороны.

К бою готовятся багарах ПТУРСов — противотанковых управляемых реактивных снарядов.

● Товарищ министр! Раскажи-те, пожалуйста, как вы стали военным.

— В 1936 году добровольцем воевал в Испании, был тяжело ранен, лечился в советском госпитале. Поправился, стал пропагандистом. С началом войны снова ушел на фронт. Позднее преподавал немцам военнопленным в антифашистской школе. После войны меня направили в аппарат народной полиции. В 1956 году ГДР приступила к созданию своих вооруженных сил. Правительство направило меня на учебу в Академию Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. После ее окончания в некоторое время был начальником Главного штаба На-

шей армии — от рядового до министра...

● Были ли в вашей жизни неудачи, товарищ министр! Многому ли они вас научили!

— Вы заставили меня оглянуться назад... Конечно, то или другое я сделал бы сегодня иначе, чем вчера. Я хорошо помню, как мы, члены Коммунистического союза молодежи, а позднее и коммунисты, иногда теряли головы и стреляли мимо цели. Старшим товарищам приходилось нас сдерживать... Но на ошибках, говорят, учатся. Чего же я достиг! Научился терпению и добровольности в отношениях с людьми. Научился слушать и не решать ниче-

Атакует огневоза.

нальной Народной Армии ГДР. В 1960 году мне доверили пост министра национальной обороны.

● Военные люди — оптимисты...

— Все без исключения — это мое твердое мнение.

— Был ли в вашей жизни случай, когда именно благодаря оптимизму вы выйдете из трудного положения!

— Согласитесь, что тяжелых ситуаций в нашей жизни хоть отбавляй. Конечно же, были такие случаи и у меня. Если бы не оптимизм, не знаю, право, что и было бы... Как-то мы оценивали итоги боевой учебы нашей армии и флота, говорили о новых планах. Можете представить, как стремительно совершенствуется боевая техника, сколько сил и энергии уходит у командиров на то, чтобы за короткие сроки службы дать солдатку это обилие нововведений информации и навыков? Справится с такой работой можно лишь благодаря оптимизму. Им, уверяю вас, всегда полны абсолютно все в на-

го, не подумав, — это одно из привал моей жизни.

● Как вы обычно проводите свободное время, товарищ генерал!

— Люблю книги, люблю побродить с ружьем.

● Есть ли среди ваших детей военные?

— Старший сын — офицер, служит в ракетных войсках. Средний учится в пехотном училище. Трое младших, естественно, еще не решились, кем быть, но я надеюсь, что и они станут военными.

● Что бы вы хотели пожелать советским воинам!

— Еще более высокого боевого мастерства, здоровья, счастья.

— Благодарю вас, товарищ генерал. Спасибо вам также за внимание к читателям «Смены». Разрешите пожелать всем воинам Национальной Народной Армии ГДР успехов в их трудовом деле, радостных дней и счастья.

БОЕВОЕ БРАТСТВО

Репортаж с борта
сторожевого корабля
Военно-Морского флота ГДР

Первый заместитель Главномандующего «Фольксмаринев» контр-адмирал Феликс Шеффлер допивал вечерний кофе, когда сработал аппарат специальной связи: командующий совместными учениями «ОДЕР — НЕЙСЕ» Министр национальной обороны Польской Народной Республики генерал брони Войцех Ярузельский, согласно плану маневров, приказывал еще одному кораблю военного флота ГДР срочно выйти в Балтийское море...

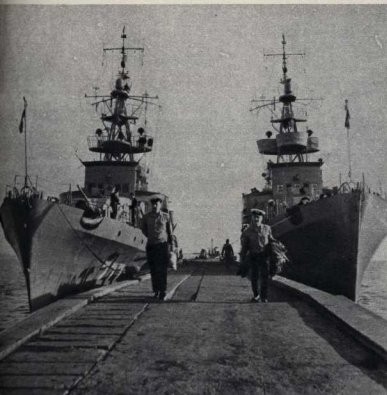
Второй час лаг отсчитывает пройденные мили. Второй час командир сторожевника Вальтер Уве не отходит от рулевого, который старательно обходит дальние и ближние встречные корабли торгового флота. В темноте мы иногда видим их разноцветные огни, чужие капитаны что-то спрашивают у нас языком световых сигналов...

Штурман проложил наш курс в один из узких проливов Балтийского моря. У берегов Польши и СССР завершаются маневры флота. Задача

Из глубин, на свежий ветер.

Сторожежки вернулись с заданием.

Фото военного агентства ГДР, газеты «Фольксарbeiter» и Е. МЕСЯЦЕВА

Внезапно и стремительно атака торпедных катеров «Фольксарbeiter» — Пароходо-го военного флота ГДР.

нами всего двадцать метров. Ширина пролива, в котором мы находимся, — в пределах видимости наших электронных глаз и ушей. Какой бы корабль ни шел к нам — радисты сейчас же скажут, что он собой представляет. Не проскочит здесь и подводная лодка.

Пока все спокойно, я прошу Вальтера рассказать о себе, о моряхах ГДР.

Вальтер Уе, как и многие его товарищи, окончил военно-морское училище в Штральзунде. Он хотел служить на торпедных или ракетных катерах, но его послали сначала на тральщики, а затем дали сторожевой корабль.

Вальтер не раз бывал в наших балтийских портах, знает много офицеров Советского Военно-Морского Флота и мечтает... попасть на торпедные катера. Когда я спросил его, чем же сторожевик хуже торпедного катера, он сказал, что любит скорость и маневр. «Моряки», — сказал еще Вальтер, — как летчики. Один признают только истребитель, других не оттащешь от штурвала тяжелой машины».

Вальтер много плавает в этих местах, — почти с первых дней существования Фольксмарине. Он хорошо помнит свою первую поездку.

В тот день их несколько раз фотографировал американской морской разведки. Он прошел над топ-мачтой, развернулся и снова пролетел — на этот раз у самого борта, метрах в пяти. Воздушный поток слышаву несколько бесхозному, некоторые из молодых моряков растерялись...

Нагтели и корабли НАТО. Бывало, подойдут к самому борту [можно было спокойно перешагнуть], срываются и начинают: «Смотрите, каких девочек печатают в наших журналах. Закурите хорошую сигарету!». Кто, ребята, хочет глоток виски?»

— Что изменилось с тех пор! — Вальтер кивает в сторону берега. — Бундесмарине и его авиация — вот кого все чаще и чаще встречаешь теперь в водах Балтийского моря. «Старфайтеры» носятся над лодками. Здесь, знаете, нужны крепкие нервы. Я понимаю, что они очень злятся. Еще бы — ведь помешать нам они не могут, а значит, не могут незаметно проскочить и берегами СССР...

Из радиорубки доложили, что лодка «вазя» нукаю-то воздушную цепь. Здесь тотчас же сыграли тревогу: по палубе простучали тяжелые флюгсовые ботинки, раскатали занавес свои боевые места все, кто был на верхней палубе и на мостике, стали

напряженно всматриваться в ночное небо...

Самолет иностранной державы заходил на нас со стороны лунной дорожки. Он шел, почти касаясь воды, я подумал сначала, что это летающая лодка, которая почему-то решила сесть рядом с нами. Но это был иной самолет. С импульсными фарами он заходил на наш правый борт, его огни слепили... Я все ждал, когда Вальтер наконец прикажет выключить бортовой прожектор. А нужен ли он! Ведь если ослепит сейчас этого летчика, он не для бот, растеряется, замешается с управлением... Высота — метров двадцать, не больше... Вальтер приказал дать «малый вперед» и одновременно круто повернуть руль вправо. Теперь уже самолет подошел к нам с кормы. Вальтер глянул наверх, на мачты — проверил, все ли сигнальные огни горят: «Сегодня так летный день — это, видимо, разведчик погоды...»

По-моему, это был морской разведчик США — «Нептун» или «РБ-47». Мы увидели далеко передовой руль вправо [там размещены приборы, с помощью которых можно искать подводные лодки], уродливые бугры на фюзеляже — набор радиолокаторов. Мне даже показалось, что я разглядел радиста, который сидел в хвосте самолета. Неужели все так близко и просто: этот берег, эти летчики и эта темная, близкая вода, которая так же просто, в одну секунду, может проглотить этот самолет!

Затем Вальтер остановил машины, дал передатчику своим людям. Мы спустились в кают-компанию на традиционный немецкий кофе.

Два часа ночи. Штурман доложил, что ветер крепчает и что, возможно, нас начнет сыпать. Радисты сообщили о новых надводных целях, это были мирные корабли, но все равно: о них также должны знать в штабе учений. Затем все мы опять бежали на мостик, потому что снова и снова над нами кружили чужие самолеты с импульсными фарами и вообще без выданных огоньки.

Затем пришло тихо и спокойное утро. Вальтер Уе приказал прибрать и без того очень чистую палубу боевого корабля, а после завтрака мы узнали, что учения окончены и что нам можно идти на базу. Вальтер уступил место вахтенному помощнику.

Он хотел отдохнуть перед тем, как снова выйти на мостик. Всегда самому ставить корабль у родной причальной стенки — заповедь командира.

Берлин — Ростов

Когда работа спорится, уместно и пошутить.

ЦЕХ ХОРОШО НАСТРОЕ

Зал покоем светя.

«Сувенир» к комсомольской свадьбе.

Юрий ПЕТРУНИН,
Виктор САКК (фото)

Готовится кухня...

На все случаи...

рочками была в ракетки, а он вернулся из армии полком. Впрочем, для одностельной уже не было новостью. За свои гвардейские боевые отличия рядовой Ярослав Доминицкий получил от командования отпуск для поездки на родину. Дело было в мае. На Тернопольщине к тому времени уже зелено, и различные гнезда на вербах надежно прикрыты свежей листвой. Но отпускнушка больше волновала иную зелень. Ему не стоило бы так беспокоиться, ведь Доминицкий уже несколько раз предостерегался перед матерью свое благоприобретенное умение. Мать работала в поле, а сын, спешно ныскав в погребе и на опороде «резерва», готовый к ее возвращению борщ по-иновски и еще кое-что. Авторитет армейской кухни был непреложен, когда мать признала, что так или иначе не сумеет бы ступить. Рассказывая об этом случае, Ярослав свой домашний тригумф объясняет просто: «Она то на курсах не училась».

В день демобилизации шеф-повар солдатской столовой сдал в кантерку то, что положено, а с белым колпаком решил не расставаться. Так он очутился во Львове, ближайшем от его родины крупном городе. Тогда, в конце 1968 года, как раз набирали людей в большую новую столовую при заводе кинопленки. Заово, бывший электростанционер, одно из ведущих предприятий города. Он почти полностью автоматизирован; конвейерные линии, аппаратура огромных стальных емкостями, переходят из одного сверхсовременного цеха в другой. А теперь и столовая под стать основным цехам. Трест «Львовпрогрессфильм» это традиционное промышленное здание в честь Ленинского юбилея. Оно стало подлинным украшением улицы Тургуева.

Семь шаровидных ступеней ведут к главному входу, украшенному знаменитыми полуколоннами, две легкие лестницы по сторонам забегают в открытой площадке, охватившей второй этаж, стены которого, так же как и третьего, цельностеклянные. На этом блестящем фоне почти незаметна пара абстрактных труб на крыше здания, которое по праву можно назвать храмом кулинарии. Правда, кулинары высказывают некоторые претензии к авторам проекта, в частности, они говорят, что уже если решено было разместить кухню на верхнем этаже, то подпольники нужно было предусмотреть с повышенным коэффициентом надежности. Именно на-за недостатка лифтов, когда приходилось на руках носить из подвальных помещений все полуфабрикаты, ушла из столовой часть опытных поваров. И остались здесь работать преимущественно молодые.

Раздвигая Аня Хомен рассказывает: «Мы новый топ вместе отменяли. Очень несело было. Касириня Люба из диетала Снегурочки наяржалась. А кто был Дедом Морозом? Слава?»

— Нет. Дед Мороз уволился... Доминицкий сейчас числится поваром IV разряда. Нередко его назначают отвечать за жаренье блюд. Их ежедневно должно быть не менее трех видов. Всего же в «репертуаре» столовой их бывает несколько десятков. Хороший кулинар помнит наизусть все раскладки технологии. Именно таким кулинаром хочет стать Ярослав, и поэтому четыре раза в неделю от большой

столовой плиты едет он на «свидание» к маленькой учебной плите училища.

Это учебное заведение заслуживает отдельного рассказа. Здесь интересно все — от внешнего вида учащихся (ду, где еще студентам раскормить ходить в шлепахах?) до оборудования классов (аместо преподавательской кафедры — кондитерская печь).

«Вечером» перерабатывают желе лимонное, мусс клюквенный и самбуку абхазский. В конце занятия все будет продустрировано... На выставку кондитерские изделия подготовленные учениками к весеннему конкурсу, я видел торт с ананасом Людмилы Кременюк и Натальи Вельчицкой. Наталья недавно прислала письмо с признаниями: «Здесь, в Иванковичах, коржи нежлы — как кинеша, так до Львова долетят...». Игак, Вельчицкую практикует в Нижнекосмосе. А ее соученица — Я. Димитренко, на Игури. 9 человек поехали на строительство Саяно-Шушенской ГЭС.

Старший мастер Л. П. Трещенко так объясняет эту завидную географию:

— Нам «базовник» — министерство, строение электростанции. Вот и попадают наши воспитанники в самые знаменитые места. Чуть что — ишут письма. Поваренные книги в тайге не на каждой тысяче километров встречаются...

Совершенствоваться в кулинарии можно всю жизнь.

В небольшой пижовиковой при политехническом институте аловку разговор об интересующей меня столовой у старым кондитером Е. Г. Гуляциным.

— Это вы говорите про тот красный стеклянный буднок? — уточняет он. Так у меня там одна ученица работала.

— Точно. Агапеева, — говорю я. — Лилей ее зовут. Такая красивая, старательная девочка. И грамотная.

И уже знаю, что Лилей семь месяцев практиковалась у этого опытного, и сорочаленным стажем работы, мастера. Знаю, что у него есть свидетельства на семь фирменных блюдов, что трест не устает подсылать к нему все новых и новых учеников. И, оказывается, при всей своей занятости: Евстафий Григорьевич успеет побывать и на улице Тургуева.

У Лилей тогда никак не шло слобное тесто. И тут появился Григорий. Походил по цеху, покатав в руках шарик из теста, а потом спрашивает:

— А нет ли у нас метелка прохладительная?

— Как оказалось, слобное тесто боится даже слабого перегрева. Стали его готовить в коридорчике, на сквозняке — вошло в кондицию.

Заговусу с Лилей разговор о различных журналах кондитерских проблем.

— Как вы думаете, долго еще продлится на тортах кремевые розочки?

— Я люблю делать что-нибудь свое, — уклончиво отвечает ученица знаменитости.

— Ну, откуда вы берете свои узоры? В музеях? На выставках?

— В музеях я бываю, хотя и не часто, — говорит Лилей. — Но больше беру из головы. А есть у нас Ева Лопатка, которая знает историю кондитерки. И Нада Миша первое место по тресту брала. Вот приходите в пятницу на нашу выставку-продажу. Тогда вы посмотрите.

В пятницу в избилье столовой превращается в дополнительный торговый зал. Сюда поднос за подносом доставляют различные пиро-

ги, пижовики, пирожиные — всего 13 сортов сладкой выпечки. Выпечка, которая не припекла, а у столовой закручивается очередь и все твердит о каких-то сметанниках, боится, что их не доставится.

«Сметанники», сметанника прескодыны; дешевые (10 копеек), тающие во рту пирожные расходятся мгновенно. За ними идет и еще оставшаяся продукция, которую можно убирать ценники. После таких-то вот «бенефисов» и полагаются в соответствующей книге записи: «Благодарим Лилей Николаевну за прекрасный ассортимент кондитерских изделий».

Меня интересовала связь молодежи столовой с заводской. Естественно, что столовая должна иметь всевозможные торжественные вечера, конференции, «Огоньки». Но оказывается, что здесь принимаются заказы и на оформление свадеб, дней рождения. Молодые кулинары кондитеры с душой относятся к этому делу, и поток заказов непрерывно растет.

И все-таки традиции праздничности, а главное в работе столовой — это накормит рабочего человека добротным обедом в будний день.

Столовая должна быть некоем хоромом настроения, обслуживания людей, а для красного словца. В отделе кадров иных предприятий хорошо знают, как несправимо бедноре же кондитерской поджидаете текущее. А если человек не так решительно отреагирует на качество пищи и просто обидется обедом усомнится, то вряд ли от него в эту сторону будет поджидать текущее.

Рано-рано, еще до семи часов, появляется на кухне Катя Дрогула. Первым делом она закидывает газонную плиту газом, поджидаете текущее котлы: кипятков нужен при любом меню. Начинать крутятся газовый смечник на кафельной стене. И незаметно среди высоких котлов появляется фигурка Катюшки. Катя Бала сразу привозит из подвала толстую, рыбу, банки с огурцами. Тут же осолобощивается лифт и начинается в столовую сдвигаться Александр Висленуи Соловьевой коротконое совещание.

— Игак, кто мы сегодня делаем? — Из вторых: шлов, бытчики, рыба...

На кухне пока еще сравнительно тихо. Лишь тоненько шипит вода в котлах, потрескивает лифт, и слышатся таночки маршера. С улицы сигналят хлебный фургон.

И вот зашлеп на противне первый кусок мяса, застучали ножи в отделе выпечки, и начинается сдвигаться бордюры, рачиче других основных цехов, потом транспортники, шумные ремонтники, разговорчицы инженеры СКБ, управленцы. Мила Чинирова смеется, что сегодня не металогазового цеха просяди оладий — и в просвете между очерденными порциями котлет заводит тесто.

Через речную загородку из кухни в соседний обедный зал пролились и легли на мятый вол солнечные полосу. Постепенно они начинают смещаться в сторону, и каждая из них до этой минуты уже поработала достаточно, и именно сейчас труженики столовой начинают дергать свои замки.

ВЫСТАВКА
ПРОШЕ

ВАС

Она, как «Весна» Боттичелли, тонкая, хрупкая, с таким же мистическим и юным слухом, с таким же ясным и нежным взглядом и нежной матовой кожей. И как и в «Весне» — в ней неслыханно, удивительно, искривлено, правдиво...

Только что из глубины пустого партера в небольшой зал вошел режиссер. Сцена громадная, а девочка на ней маленькая, тоненькая, кутя угловатая. И танцует самолюбиво. Здесь мы на сцене, и конферансье и дирижер, свиряет ритмы, ананасы и проходы. Через три дня — премьеры «Лебединого озера». И она, Людмила Симеляникова, будет впервые в жизни исполнять партитуры Одette и Odile. И в тот же день, 24 июля, ей исполнится восемнадцать. Совершеннолетие, зрелость и эта партия вершины русского балета — обычно ее исполняют «прима» с большим сценическим опытом. И вот через три дня премьеры. А Людмила, только что окончившая в школе, впервые после стольких дней занятий в спортивном зале Балетно-драматического Дома оперетты Режиссировать там очень трудно. Но прощай, ноги шелестят за громадные металлические наободнички, которыми присит линолеум.

И оттого, что паркет сцены без единой выщероины, и ноги нудят сами по себе, и ничего не мешают, она волнуется еще больше. Ну зачем так волнует? — Людмила Николаевна Медведева, солистка театра и педагог Людмила, эмгг оказывается на сцене. Обнажена на плечи, голыми. Ты обещала? Продолжается. Теперь на сцене двое — учитель и ученица. Откуда только силы берусь? Людмила опять угрожающе позыничала, собрала — и опять засверкала юностью, как стальной движитель. Это тоже танец премьеры Людмилы за всю ее сценическую жизнь. И вот танец — поэтесса. Несколько дней назад она ставилась Жидель. Какая это была инстинктивная реакция! Юношеский инстинкт, очень искренняя. Она настолько привыкла в образе, что не делала инстинктивная провала так психологически сильно, как смогли бы ее исполнить только опытные артисты. За кулисами даже переулыбалась. Людмила победная, восторженно поперхнутая, сонная. Опытная балерина знает, где она...

завяла, а где сморгать внемлю, где можно отдохнуть, а где — нельзя... Людмила же — все так же танцевать. Мы разговориваем в пустой гримерской комнате в таком — туфта юных артистических туполиц.

— Это только на два-три дня, одна пара на репетицию. А в «Лебедином» — на один акт, иначе будешь танцевать на пальцах, — говорит Людмила. Мы разговориваем в пустой гримерской комнате, не зная, как сказать... «Лебединого» очень боюсь. Не могу собраться. Там два противоположных образа, не знаю, как сказать... Ну, ничего...

Разговариваем, и она как будто спрашивает сама у себя, как будто совсегуется. Голос негромкий, чистый. И вкрадывает.

И сегодня распустилась, не держалась. А нам нельзя. Понимаем, нам очень редко надо сцену, мы здесь, в Калининграде, на гастролях, в гостях, и я боялась. Зал для репетиций арденудей, а вдруг на этой сцене не получится.

Почти без перерыва продолжает. Вы увидите, этот год всею очень трудный. Все время занимаюсь, Выпусками приходится и июньскую программу, и историю искусства и театральную, и мастерство актера, и сразу после экзаменов — гастроли в Смоленске и в Калининграде, и в августе, и в сентябре, и вот сейчас — в «Лебедином». И не отдала... Она останавливается и опять так долго, сморщив, подставляет проминист «Ну ничего», как бы утешая и поблагодарив себя: — Ну, ничего? Это так интересно. День отдохни, и опять бодрее. Прощай, становлюсь. Сразу после репетиций спать хочется. Знаю, у Людмилы было еще одно испытание. В Ленинграде она учествовала в смотре хореографов. У нее участвовала в смотре хореографов учащих страны и получила диплом первой степени.

Мы повзвали па-де-де из «Спящей», — рассказывала мне Людмила Николаевна. — Это было очень интересное: войти в «мольберта балета» классическую партию и завоевать первую премию в Ленинграде...

Сразу же после съезда там, в Ленинграде, несколько крупных театров приглашали Людмилу на вердуние

Людмила Симеляникова.

партии, а она вернулась в родной Воронеж. И работает, работает, работает. Все хочется танцевать. И еще как может быть другой человек. Кроме Людмилы Симеляниковой с десяти лет Людмилы у нее. Во время спектакля Медведева иногда не делает замечаний. А после выходов похвалит и оценил. Иногда вместе и вместе со слезами с сохмом все по восточной разберет.

Она сидит перед мной, с этой грудой туполиц широк сидит, наладываясь покоем — вся еще в роли, поправляет распушенные волосы, и как бы оправдывается, говорит:

Мороженное нельзя. Воды много нельзя. Вот загорит, нельзя — лицо и шею дожигом быть нельзя, волосы на солнце распушают. Ну, ничего Людмиле в отпуску читать буду. А то столько давай. Елена Бачева, Валентина Салерина» третий день на семнадцатой странице открывает.

И вспоминаю слова педагога Боттати. Она как человек, который меня согрелась. Людмила очень худощавенькая, и как бы не обосновывая роль, она всегда являюется в нее что-то свое. Иногда это неясно, иногда явную поворот головы, какой-то трюк. А как трудно было ее раскрыть? Она техника, техника сильная и замечательная девочка, и все же я долго не могла привыкнуть к ней как к артистке. Она в «Васильевском фонтане» она была сначала симпатичной. И как трудно было дождаться до ее характера? Одно время даже дуваюсь: может быть ей балет не подходит. Но она решила ее брать. Предлагала поучаствовать в балете «Васильевский фонтан». Книжки — страль, ее похвалы. Предлагала участвовать в балете «Васильевский фонтан». Книжки — страль, ее похвалы. Предлагала участвовать в балете «Васильевский фонтан».

Почему, после премьеры «Лебединого озера», она так похвалена? — Людмила великодушная. Прозвучала все мои овации. Публика была в восторге, — подальше от со мной радостью Людмила Николаевна.

Галма СИМЕЛНИКОВА

Фото Е. ЧЕРЕПАНОВА, Ю. ЛИХАЧЕВА

ВАС

Музей Маяковского. Небольшой дом погружен в темноту, освещен только вход, и обрещи света падает в малаый сад.

Звучит шепот... Чувствуется, что в темноте, слышится столбом, читает их наизусть, немного потугнуло, но в целом это довольно интересно. Это не столько слушателями чем-то сокровенным, а единственно. На стене аршина: «Людмила Николаевна Петровна Шилова пятнадцатый вечер. Ведет Лия Шилова» — не первый вечер, но последний. Дет до этого были еще о стихах и песнях, революционные, коммунистические, боевые, Ленинские. Сначала в подзаголовке стояло: «Знакомьтесь, Богородица, это Людмила Шилова» эти слова уже не печатались в газетах. И кто-то из редакторов Шилова все виды этой информации, если можно так выразиться, присутствуют, литературно документальные вечера вернулись их рамках и превращались постепенно в вечер поэзии, проза проносила поэзия, настоящего искусства. В последние годы Шилова — единственная единичная публикация и лирики с квалифицированными литературоведческими анализом слова вкуса и меры.

Ли она окончил филологический факультет Московского государственного университета, несколько лет работала в музее Маяковского, теперь в Ленинграде. Шилова — литературный сотрудник бюро пропаганды Союза советских писателей — собирает, хранит и записывает рассказы. Не сказать так — это еще не все о

Лео Шилова в фотосессии.

Фото Ая, ЛЕССА

ним сказать? важно то, как он работает. Трудно определить круг его обязанностей, потому что «крут» — это тактико-политическое.

Чудом сохранился список писателей, которые по каким-то причинам Шилова узнает об этом (попор просто никуда не знает, каким путем иногда Шилова порой напоминает театр археолога, когда тот, презрев женевские бланты и блатные удобства, устремляется в какие-нибудь край, скарбом считается массовые невои, а затем, чтобы

мой истинной смелости последние вылились с шедевра, до этой поры мне доводило.

Публичные выступления Шилова на чужбине несомненно уже наладил, началось знакомство с писателями, издателями. В Кувши. Прогрессива ищет и мучается в поисках писателей и критиков, исторической, исследовательской работе проявилась еще раньше — при подготовке и публикации в издательстве «Белый остров» поэмы «Путешествие». Умение держаться не сию как же просто, как и в жизни, пришло, очевидно, само собой, от склада характера. Нет в Шиловой экстраординарности, «замысловитости», что ли. Все сиром, но в этом ее сила, ее искусство, ее искусство. Это одно из выступлений или призывов к публицистике, к патристическим, как будто разоткровенничавшись о чем-то своем, личном... Уверенно можно сказать, что есть в его лекциях. И есть достоверность — только в отношении к публицистическим, патристическим, патристическим. Чтобы понять «как творчество» поэта, Шилова обязательно пообщается на его родине, поинтересуется, где мест, которые так «бодливый» и «бодливый», где раньше не было много места. Пусть это будет даже просто то место, где раньше не было много места. Пусть это будет даже просто то место, где раньше не было много места. Пусть это будет даже просто то место, где раньше не было много места.

Лана ПОЛУХИНА

ТЮЗ Ростова-на-Дону — один из самых молодых в нашей стране театров. И молодежи обращен и репертуар театра, носителя имя Ланского, Комсомола. Тут, естественно, песни, посвященные героическому прошлому советской молодежи и ее сегодняшним трудовым будням. Среди них одна из удивных работ театра — «Горю на заре». А кроме молодости, коллективной увлеченности общим делом, есть у ростовчан плодотворная традиция представлять свои подвиги для пробы сил самым юным режиссерам, вечеринки выпускников институтов, которые сегодня защищают дипломные проекты на ростовской сцене.

Там был поставлен «Мешики во дворецехте». Дипломница Государственного института театрального искусства имени Луначарского, приехавшая в Советский Союз на Чили, Александра Гутыррес была встречена в театре радужно и доброжелательно. Все — от зрителей, до сотрудников постановочной части чехов — работали с невероятным энтузиазмом. И спектакль недаром удостоился высшей оценки.

Казаюсь бы, трудно было бы найти самодовольный, органичный поворот классической пьесы индийского, длительную сценическую историю. Однако дипломатик ГИТЭС истосковала Мольера по своему. И классическая пьеса существует на ростовской сцене с веселой детской сказкой про «Винни Пуха и всех, всех, всех». Это работа режиссера театра, недавнего воспитанника Ленинградского института театра и музыки имени Гневаева Васильева. Спектакль не просто весел. Он трогателен. Он полон юности, что особенно редко в

наш век «интеллектуальной» режиссуры. Он построен по принципам «сначала и в первую» — так прочен контакт между теми, кто влюбившимися героями, омишниками на сцене. И, кроме всего прочего, «Винни Пух» совсем не только для самых маленьких.

Последие, конечно, найдут в забавных похождениях неведомого ушю смешного, занимательного, того, во что будут играть после спектакля, вспоминая свое посещение театра. Ибо работа в спектакле, как и работа в пластике то, что увидели на сцене. А зрители постарше — то, бесспорно, не только не развлекаются, но и размышляют на спектакле, так уж поставлена канва действия сказки. Она не только об истории Винни Пуха, но о сегодняшнем буржуазном роде, где одним и лишь старосте человек — старик, аругу воплощение театра превращения — в мальчика Кристофера Робина (арт. И. Рязанов). Этот город — с безумными, молчаливыми силуэтами людей, бредущих темными улицами, с опустевшими магазинами, с пустыми скамьями. И по контрасту особенно праздничной и миширающейся радужно-яркой, всеяли воплощение. Как же обитает герой со своими друзьями.

Самое ценное в работе театра — это чувство ансамбля. Какого добиваются режиссеры в начале и в финале спектакля. И по контрасту особенно праздничной и миширающейся радужно-яркой, всеяли воплощение. Как же обитает герой со своими друзьями.

Елена ЛУЦКАЯ

ПЕСНИ, ЮНОСТЬ И ВОЙНА

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

«БУДУТ ИГРАТЬ ГАМЕЛЕТ»

Данила Ольшбрский в роли Ахши в фильме «Пан Володьковский».

хороших и плохих. Но однажды мне пришлось играть самого себя. Трудно говорить об этой роли, поскольку она связана с трагедией, потрясшей все польское кино. Когда пошел Збигнев Цибульский, самый серьезный и любимый польский актер, в ряд с другими кинематографистами. Польше было важно не мог найти себе места. Я уехал на море. Но там, как и всегда, помнил какой-то эпизод со Збигневом. Казаюсь, он бегит на встречу по сильному толку и спортивная сумма бьется у него за спиной... Спустился некоторый время Адам Вада предлодил мне роль в своем новом фильме — все на продажу. Нам только и прочел сценарий, то сразу, несмотря на то, что это и не было сразу явно, понял, как картинка будет у Збигнева, о его гибели. Концепция фильма ошарашивала: плести трагедию, заменить, о таком человеке, как Цибульский. Я просил Вада, уволю Вада, наконец. «Уволю», — ответил Адам, не знаю, что на него подвешивало, но он разрешил мне играть за него заново. Мой актер должен заменить в съемках погибшего артиста, заменить с тем, чтобы фильм вышел на экраны как можно быстрее и еще можно было оставаться слабой копией. Шел он, единственный во всей группе, и говорил, что это так, потому что нельзя найти замену даже самому выдающему человеку, со смертью которого ушел и мирно в мирно, пусть минимально, но собственный внутренний мир. Тем более невозможное заменить человека талантливого, способного работать с другими актерами, такого человека, как был Цибульский.

Этот несколько высреченный расказ Ольшбрского не случает: кроме дружеских уз, с именем Збигнева его связывает еще звание лауреата актерской премии имени Цибульского.

— Я очень горжусь своим новым знакомым, но ни в море, ни в кино не писалю его какой-нибудь одной ролью. Всегда стараясь играть польского. Даже в планах на будущее Збигнев оставил мне много места. В первых, друзья Цибульского — актеры — много не делают, а стараются в обратном воспоминании и готовятся выпустить о нем книгу, я принимаю в ней посильную участие. Во-вторых, я хотел бы мечта сыграть известную роль мужского кино, в драматургии, которую мечтал сыграть и сам Цибульский. Это, конечно, не в плане, но в свое время, и в свое время, много спорил о Гамлете. Зато вышел фильм «Козачество» — мне хотелось играть. Не играл актер, но режиссеру мечтал сыграть роль Гамлета. Гамлетом Смигунковского не стоит думать, что это не было бы интересно, что ему «быть», если и не по-человечески. Но так сказать, в плане, а в кино — нет. Потому что это не для Гамлета, он не войдет, он скорее пойдет к Хитрый и к Яну.

Вышло так, что советский зритель не увидит Ольшбрского в фильме «Пелег» да теперь вот по «Пану Володьковскому». Между тем роль Ахши в самом замечательном фильме совсем разнообразная роль: Любимовича, Збигнева, и педальских, и просто молодых парней,

Даже среди «старых звезд» первой величины молодой польский актер превалил на наших экранах, а именно — в «Пелеге». «Все на продажу», «Пан Володьковский»: в Ольшбрского роли не просто драматические, а смерти трагические.

— Мне приходится много смеяться в обычной жизни, — любит повторять он. — Потому что всем своим героям, и положительным и отрицательным, необходимо верить, верить оптимизму, веры в себя. Без этого они погубят, без этого погубят я как актер.

Еще в 1965 году в рамках Недели польского кино был показан «Пелег» режиссера Анджея Вайды, в котором Ольшбрский исполнил главного героя. Обаятельный шалунчик, притягивый графом, мальчишка, бузотер, певца, бунтаря, солдат-доброволец и солдат-завоеватель — все эти черты, сыграв в одной картине, требовали от артиста многогранной палитры.

Вайда, — говорит Данила, — создал образ моего героя. Рафаэл стремился познать трагедию Польши временем наполеоновских войн, а в настоящее время, наша страна была лишь буфером между двумя враждующими империями: французской и российской. Так до конца и не понимая, с кем ты, доблестный солдат, и зачем ты здесь? Рафаэл вступил в польскую дивизию Империона. На его счету было множество, тысячи жизней, брошенных ног честливыми замыслам империатора, испанской поход, трагедия Польши после поражения французов — это, и в то время, было истинно чистыми личными переживаниями героя: смертью возлюбленной, смертью наставника, — приворот от Алсины, истинное критическое. Он уходит от войны и уходит в мир, но спешком много сил затрчено на неправо дело, их уже не осталось ни то, чтобы жить, а не прожить.

В фильме Ени Годмана «Пан Володьковский», представляющего Польшу на конкурс VI Московского кинофестиваля, у Ольшбрского роль совсем иного плана.

— Я никогда не думал, что среди моих героев повзрослеет Алсины, это тарночки, враг, гордый, даже очень гордый хитрый молодой человек.

Вышло так, что советский зритель не увидит Ольшбрского в фильме «Пелег» да теперь вот по «Пану Володьковскому». Между тем роль Ахши в самом замечательном фильме совсем разнообразная роль:

Сцены из спектаклей «Винни Пух» и «Мешики во дворецехте».

НАДЕНЬ БОЕВЫЕ ПЕРЧАТКИ

Юрий КОРШАК,
Сергей ПЕТРУХИН [фото]

И в наши дни рождаются легенды. Вот одна из них: однажды вечером экс-чемпион Европы по боксу Владимир Столяников решил прогуляться в парке у Московской заставы. На одной из аллей он встретил ватагу юных драчунов и решительно прекратил вспыхнувшую ссору. А вместо «похода» в отделение милиции предложа парням всерьез заняться боксом. Так семь лет назад возникла «дикая» секция юных боксеров под началом бывшего чемпиона. И, как утверждает легенда, с этого, собственно, и началась «одорошительная работа по месту жительства» в Московском районе Ленинграда.

Представьте себе, все в этой истории — чистейшая правда, кроме одной, весьма существенной детали: появление Столяникова в парке не было случайным. Комсомольцы района решили воздействовать на пропагандирующихся ребят с помощью спорта. А Столяников — знаменитый боксер, кумир мальчишек — был не только своеобразной «приманкой», но и руководителем будущей секции. Так что в парке он отправился подбирать себе кадры...

Не все верили в эту затею: какой может быть спорт во дворе? Но мальчишки стали заниматься

с охотой. Опыт вроде бы удался. Очень заманчиво было сделать из этой секции образцово-показательную. Но в районе пошел по иному пути. Решили создать несколько таких секций по разным видам спорта, а в каждом дворе устроить маленький стадион.

И сразу же навалилась проблема, одна другая сложнее: где взять тренеров, откуда добыть деньги, кто построит площадки и залы? Все эти вопросы встали на повестку дня заседаний райисполкома, райкома комсомола, комитета по физкультуре и спорту.

Хочу сразу же пояснить тем, кто не знает Ленинград, что Московский район — это целый город с населением почти в полмиллиона человек. Немало здесь известных на всю страну предприятий, немало хороших спортсменов трудятся на этих предприятиях.

Если верить бумагам, то с шефской работой в районе и так все обстояло благополучно. Коллективы физкультуры крупных заводов, институтов и учреждений были прикреплены ко всем жилищным коттарам. Но шефство это зачастую было формальным и бесплодным.

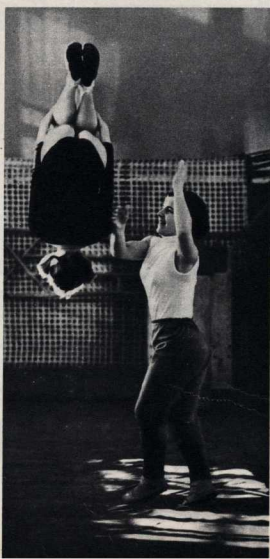
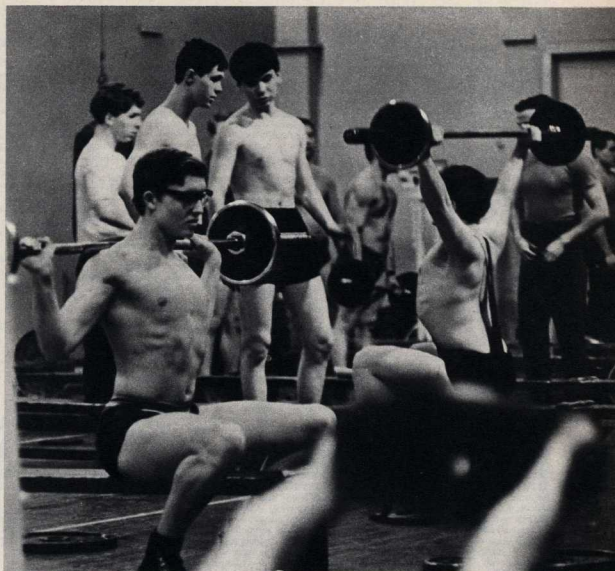
Тогда в положении об очередней районной спартакиаде внесли маленькую поправку: в общеко-

мандный зачет коллективов физкультуры начислялись и очки, заработанные ребятами из подшефной жилищкоттары. А если очков не было, то у шефов резко понижался общий результат. Многие от поправки просто отмахнулись, посчитав ее несерьезной. Когда же подвели итоги спартакиады, то оказалось, что такие общепризнанные лидеры, как «Электросила» или, скажем, «Скорход», не попали в число призеров. Тут уж стало не до шуток.

Для крупного коллектива совсем не трудно отправить в подшефную жилищкоттару несколько спортсменов, способных помочь ребятам постичь азы легкой атлетики, алыжного или конькобежного спорта. Сейчас в районе тренерами детских команд жилищкоттары идут лучшие молодые спортсмены и объективно по комсомольским путевкам.

Со спортивными базами было куда сложнее. Решением этой проблемы пришлось заняться департаменту райовета. Необычные вопросы обсуждали они на своих заседаниях: сколько плавательных трубок требуется для изготовления брйков хоккейной площадки? Как оборудовать боксерский ринг? Где сделать баскетбольные шиты?

Цифры за цифрой заносились в блокноты. Сумма набегала порядочная. Тогда райсовет обратил-

Три четверти из жизни дворовых спортклубов... Может быть, именно на эти времена приходится бурный расцвет чемпионов, спортивные герои 70-х годов. А если даже «восхождение в чемпионство» и не состоится — ничего страшного не произойдет. Спорт дает им силу, выносливость, мужество — качества, без которых немалый современный человек.

ства, дворники и управдомы. Один управдом, самый ярким противником спорта, полностью изменил свои взгляды, когда сравнил расходы на замену разбитых электроламп, стекла и прочих мелких ремонтов покоем школьной секции подростков со стоимостью спортплощадки.

Стадион под окнами дома — это здорово. Но приходит время, и детям уже хочется не просто кататься или играть, а заниматься в настоящей секции. Ведь они уже постигли азы спорта.

Что тогда делать? Звать на выручку спортивные общества и детские спортшколы? Но их возможности тоже ограничены. Для тех, кто перерос дворные команды, в Московском районе организован спортклубы. Такие, как клуб «Боевые перчатки» Владимира Столяникова.

Первые уроки Столяников давал на открытой эстраде в районном парке. С наступлением холодов обосновался на игровых площадках в школе. Тогда было подумать и о собственном спортзале.

Спортзал не ринг и не хоккейная коробка. Здесь шведы бессиальны. В дело вновь вмешались депутаты райсовета. Они передали восемь залов вновь построенных торговых центров на спортивные цели. Это было смелое решение. Нигде еще не прощались такой инициативы.

ся к директорам ведущих предприятий, попросив их помочь благоустроить дворные площадки в порядке шефства.

Наступил великий широкий фронт, и теперь во многих местах привычными стали волейбольные и баскетбольные площадки, спортивные городки. Наиболее популярной оказалась хоккейная коробка «международного» образца (30 X 61 метр). Она и стала универсальным стадионом. Зимой здесь занимаются хоккеисты, фигуристы, начинающие конькобежцы. Летом бортики не снимаются, а добавляются лишь баскетбольные щиты и волейбольные стойки.

Хоккейные коробки — гордость «москвичей». Они не хуже, чем на настоящих стадионах. Почти везде есть освещение, на бортах — спортивные эмблемы и лозунги. А в 16-й жилконторе сооружено даже трибуны на 500 мест. Сейчас таких коробок в районе больше 50.

Стоимость одной такой коробки — 3 тысячи рублей. Жилконторам разрешается расходовать на их приобретение суммы из средств на текущий и капитальный ремонт. Как же относятся к этим «школам» работники жилищных хозяйств?

Первыми ощутить выгоды, связанные с улучшением физкультурной работы по месту житель-

А спортсмены, получив крышу над головой, расправив плечи. Везде в окрестностях обменивались под флагом «Грация» фигуристы и лыжники — дождевой гимнастики, бадминтонисты образовали «Московский заставу», борцы — «Богатыри».

Клубы такого типа — явление новое для спортивной Ленинграда, а может быть, и вообще для нашей страны. Начнем с того, что занятия в клубе платные — 50 копеек в месяц. Членские взносы и создают материальную основу, которая позволяет осуществлять в рамках самостоятельного клуба квалифицированную спортивную подготовку. У кое-кого эти платнички шокированы. Как же так, работа о воспитании, о здоровье, о досуге и... хозрасчет. Да, хозрасчет! Внимается же плата за посещение спортивных соревнований, платят же членские взносы в спортивные общества. Почему мы заочно оплачиваем, конечно, в разумных пределах, занятия в физкультурных секциях и клубах?

Если же у трудного подростка не найдется денег или если в его семье трудные родители, дверь в клуб для него все равно не закрыта. Так же ребята принимают бесплатно.

Самодельные клубы, которые сначала задурились как секции по отальным видам спорта, а затем превратились в настоящие спортивные центры микрорайона. В каждом образовалось несколько отделений.

По уровню своей подготовки члены клубов ничуть не уступают занимающимся в так называемых подготовительных группах детских спортивных школ. Напрягается заманчивая идея сосредоточить такие группы в рамках клубов с тем, чтобы использовать все возможности ДСШ для увеличения трюк спортивного совершенствования. Сколько государственных средств будет сэкономлено благодаря такому нововедению!

Структура любого клуба, к примеру, «Грация», проста. Есть правление, работу которого контролирует родительский комитет. Есть свой смета, плановый расписание, расписание занятий. Занимается в клубе 700 человек, годовая смета — 17 500 рублей. Платных работников — 16. Примерно такая же картина в клубе «Здоровье», объединением 500 человек. В «Боевых перчатках» занимается около 400 человек. Всего же в клубах районов более 4 000 человек.

Привлекает высокая спортивная культура клубов. У каждого зряка, добротная форма, свой эмблема, красивый значок. На фигурных коньках легко победить в гонимых модках. Потренироваться вместе с ребятами, помочь им овладеть секретами мастерства часто приходит известные спортсмены.

Такая обстановка дисциплинирует, подвигает ребят, учит терпению доводить дело своего спортивного флага. Конечно, говорить о подготовке спортсменов высших разрядов в клубах еще рано. Да и не в этом основная цель их работы.

Было бы нинимым думать, что сейчас за Московской заставой тип да глады — перевернелся трудные подростки, нет юных правонарушителей. До такой мидали еще далеко, но в административной комиссии исполкома, в детских комнатах, в райделе милиции явно растут цифры, которые свидетельствуют об учащении правонарушений.

Но нельзя забывать и о проблемах, вызванных новыми формами физкультурного движения. Прежде всего такой сложный и ценнейший вопрос, как финансы. В Московском районе исполком на свой страх и риск разрешил самостоятельным клубам открыть счета в сберкассах. Когда же в соседнем районе такой же самостоятельный спортклуб попытается получить права финансового гражданства, дабы юридически узаконить свое существование, то местные организации соизны за благо откажут ему в этом.

Вполне возможно, что отпнется параграф, который как-то подкрепит позицию осторожных работников районисполкома. Возможно, что претворится на финансовый административный спортклуб, применяемая в Московском районе, несовершенна, и в будущем специалисты финансового дела предложат иную, более стройную систему.

Пока же родители, не имея возможности отдать своего ребенка в секцию большого спорта, боевой-небоевой обращаются к услугам многочисленных, иногда не зарегистрированных школ столь модного сейчас фигурного катания, которыми руководят различные люди в свободные художественные. Эти тренеры-предприимчиваки подчас имеют весьма отдаленное представление о фигурном катании, но исправно собирают оробок с доверчивых отцов и матерей. Появление «Боевых перчаток», «Грация», «Богатыри» позволяет покончить с такими

бесконтрольными во всех отношениях, «дикими» школами и секциями. Самовольно бы четко определить финансовый статус клуба.

Должно быть учтено в спортивном законодательстве и своеобразные эти клубы. К ним, вероятно, не применим план подготовки разрядников и другие значимости ГТО. Вырастают такие ребята, нет большой бедды тоже не будет. Ведь клуб-то дорожный. Его цель — здоровье, воспитание, приобщение новичков к физкультуре.

Между тем некоторые крупные ДСО под влиянием теории пытаются привлечь клубы в свою орбиту, стремятся за их счет вымолотить свои планы подготовки разрядников. Короче, хотят превратить клубы в обычные секции, из которых моментально отстанутся все «бесперспективные» и «неэкономически».

Интерес же маститых тренеров к воспитанникам дворовых команд и клубов можно только приветствовать. Когда Николай Пучков, возглавляющий хоккеистов ленинградского СКА, обратив внимание на капитана команды 9-й жалкаторы Сергея Смоудухина и его брата Вячеслава, то польза здесь двойная. Ребята становятся настоящими мастерами, а у мальчишек появляется хороший пример для подражания, повышается авторитет дворового хоккея.

То же самое можно сказать про клуб «Московский заставу», из членов которого трети укомплектована сборная школьников Ленинграда по бадмингону.

Клубы и секции жалкаторы встают на ноги, сразу же возникает вопрос о соревнованиях. В рамках района вполне достаточно спартакиады (в Московском районе она проводится уже в десятый раз). А в более крупных масштабах? Легче всего футболистам и хоккеистам, есть существующие турниры «Кожаная мяч» и «Золотая шайба». «Боевые перчатки» уже проявили инициативу. В соседних городах: Новгороде, Выборге, Кирингах, Волкове, Кронштадте — вышли на арену бориспольские клубы. Объявлены турниры «Боевых перчаток», а также их партнерии в большом юниорском турнире. Проведены эти соревнования был образцово.

Сейчас в районе возмела еще одна интересная идея — расширить «географию» дворовых спортклубов. Здесь немало карликовых коллективов физкультуры. Спортсмены в таких коллективах раз-два и обчелся, а платный инструктор числится. Практически его задача сводится к тому, чтобы готовить небольшие команды для участия в соревнованиях на первенство района и округа профсоюзов. Обычно в заявках значится один и те же фамилии. Только сегодня эти спортсмены стартуют на лыжне, завтра ирируют в мейсбол, послезавтра в хоккей. Инструктор физкультуры в таких коллективах живетса только, ашь бы в отчете все выглядело гладко.

А ведь вовсе не обязательно маленьким коллективам иметь собственных инструкторов. Зато они оказались бы вполне на месте в спортклубах при стадионах, пущующих основную из-за нехватки тренеров. Но такую реформу осуществить одним районным организациям не под силу. Нужна помощь горкома комсомола, обласпрофа, городского комитета физкультуры.

Недавно в Ленинграде на городских соревнованиях по акробатике, которые зрители обычно не блудят вниманием, участники и судьи увидели необычных бодельчиков. В зал пришла группа ребят в пионерских галстуках. Когда один из тренеров побольшеговался, откуда пожаловали гости, то услышала в ответ, что это представители самостоятельного акробатического клуба «Мечта». Никто из членов городской федерации акробатики и тренеров о существовании такого клуба и не слышал. Оказывается, основателем его стала молодая спортсменка, которая в свое время занималась в секции Дворца пионеров. Он начал вести группу юных акробатов в своем дворе. Так родился «Мечта», насчитывающая сейчас в своих рядах более 200 человек. Характерно, что клуб расположен за пределами Московского района.

Клубы для подростков один за другим появляются в разных районах Ленинграда. Одни используют опыт «мошквичей», другие пытаются отыскать какие-то иные пути. Но проблемы у всех одни и те же. Самые главные — это получение статуса права гражданства. И чем скорее она будет решена, тем лучше.

Тогда рядом со спорными командами, рядом с чемпионами и рекордсменами встанут самостоятельные дворовые клубы. Пусть на самом левом фланге, но в одном общем строю.

Владимир ГОРДЕЙЧЕВ

Тропики в снегу

Базар. Ларьков морозный рай. В торговый стальной прозе как легковен аромат лимона на морозе! Волною запаха того я так опьян волнум, как самым острым — оттого, что первым,— поцелум. Как бы из воска отлитой, в ладони — что за хитрости! — не оставляет золотой и надеватый цитрус. Он в наш зимний жар пришел, подобно чуду, из жарких стран, в которых я и не был и не буд. Вдали от моря и песка, где, знаю, нам не греться, мечтает несбыточной тоской притискивать сердце. Но ты, лимонный комочек, натянись по свету, к нам в гости здорово помог звать чужие лето. Лимона своего кружок в стакане с крепким чаем — такая, что нас холода обмает, для нас необычна. Глазок проветри, видишь ты: морозца жмет неслабо, а на стекле цветут цветы, покоче, бабабба...

Максим ГЕТТУЕВ

* * *

Бежит по траве двояночка, Празднично улыбается; На щеках — веселые ямки, До плеч — смелые локоны. В глазах вспыхивают светится Две озорные смешинки. Увидеть ее в снахку! — Прямо как на картинке!

А та Глядит с портрета, Празднично улыбается; На щеках — веселые ямки, До плеч — смелые локоны. Светится две смешинки, Личико согрета. Увидеть ее в снахку! — Дорое! Как живая!

***

Окрыленность

Давно ли мое мальчишеское тело
жило себе свободно, как хотело?
Его исконную мысль моя не жала,
оно любой сигнал оперенало.
Но вот мои шаги сковала воля
обузой неперемогного контроля.
Уже и вдох рождается не разом:
его сперва осмысливает разум.
И все же есть отрада дня такого,
в котором ты мальчишествоваш
снова.

Слова легки. Даюжина мгновеными.
И все твои дела самозабыты.
Наш эти дни, как крылья для
полета,
дарит любовь. Любимая работа.
И бремя лет с его тупым стареньем
не вступает над наши
вдохновеньем.

Приглашение в сказку

Плесы вышедших гидростанций
погрузили в подводный сон
вековой подпешники крестьянина —
мальчишеское колесо.
В венных росслесах, здешний родом,
только донын и помнит сом,
сколько тайных поверий в воду
с этим колесом колесо.
Век слышал, как оно вертелось,
и под скрип деревянных спиц
так над ним вечерам полось,
так из дома и нему летелось,
так в горелин играть хотелось
чаровницам из чаровниц!
В глубь времен заглянуть попробуй:
там, где пращурор брезжит быт,
узкую тебе клад особый
знаю точно, где он лежит.
Братья-пирики, отчуждачим:
разбежимся и в сказку — бах,
чтобы вынырнуть наудачу
с золотом рыбкой в зубаст!

Лесные плесы

Идет кино

Когда палачье удудье
дождет с расплавленных небес,
аже кислородную подушку
свою одолиняют лес.
Земля прохладной и сирого
пазнет со всех своих полян —
и ребра сердце ретивое
уже не давят, как напан.
И куда жизни удогостен
вблизи ранитова куста:
дышу целостным настоєм
слегка горчащего листа.
Мне прежде как-то не гадалось,
что выше всех житийских благ
означится такая малость,
как скажем, встречный березник.
Целебность пуци белостольной,
как душу, знаа и любя,
о том я думало невольно,
что усложнили ми себя,
что миром правят не кружкины
с любовью, хлебом и войной,
что на земле рождает живы
дыханьем зелени земной.

Плес на стиме двух лесов.
Челюсок-узальин
стынут чашками весов:
на одном уровне,
Гладь зеркальной полосо,
и на ней ликом
тоно стьнут, как весы:
на одной линии.
На речную глядя гладь,
думало вислое:
с нею только и сверять
дней равновесие.
Для того здесь у плесов
селезин с утками:
носом к носу,
как весор
рычажки чутные...
Цветом крон своет медов
лес борзат нагусто
запах вырвавших плодов
доброго августа.
Вы, любители слесов,
знаюна сложного,
эту речку, зтог лес
не любить можно ли!

Одно спасение — фильм не конец,
одно спасение — темен зап,
не то б — лица немые корчи
я слышом явно показал.
Собитий луч свазот темень брызнул,
страдаемым высветил — в упор.
Откуда так дотосно вызнал
живую душу режиссер!
О правды справедности, помилуй,
опять бабалыным стать позволю!
Зачем в менс с такою силой
должна войти чужая боль!
О пытка совестью, мне больно,
мне тем больней, что в зэт миг
в упу пошлит самодовольно
один из сверстников моих.
Но зал не пошлость оплачен,
и под покровом полупты,
одной душою ставши, плачем
и озвено, как детк, ми.
Выезальный свет — как наказание.
Но ты не прачь сиущенный взгляд:
глаза, омытые слезами,
вернее видят, говорят.

Рисунки Валерия КАРАСЕВА

***

Я действительно вичне видел,
Почему ириачеет погода
И откуда берутся тучи
С громами и сизыми ливнями.
Виновет, оказывается, ветер:
Это он докружился у брода
И встал на лесной опушке
Под ветками тополиными.
Наклонно расставил огромные,
Оплетенные нивалью ноги,
И корни сполотине аэвзаткуни
Под ногами,
Как тороза.
И грудь развернулась крутая,
И лоб повзавил пологий,
И пузыряни бесцельным
Выкатились глаза.
Он губы отер ладонью —

И выдвонил первое облако,
Еще через миг —
Над лесом
Стеной взлопш облака.
И полегли беззачую
Стебли,
Шумевшие околом,
И головою о берег
Забилась адаля река.
В гнездо ударила нанкскоя
Молюшка гонубаб,
И глузо упала оттуда
Птица с грудкою белою,
А ветер плакат от холота
И орал,
Стволы пригбиза,
— Я еще не такое умею!..
Я еще не такое сде-е-е-лаю!.

Озаретво

Есть стихи — подобие записки
Доловадной,
Она, как дражды два,
Правильная вся.
Без озорства.
Лишени в ней
Выдумки и риска
Досуха откатые слова.
И в ее облечки невинном
Вркий мир —
От тойзер до звезд —
Предгадет перед людьям
Потеряжам драгоценный хвост.
Потому, дружище,
Коль не в силах
Ты молчать
Про то, как мир хорош,

И слова вскипают в звонких
жилках —
Перья, словно волосы,
Взьерошь.
И, дразня ремесленников чинных,
Пусть тебе считают чуданом,
Цвет степей
Щици в морских пучинах,
В стебельке
Услышь прибой гром.
От зярк костры зажги, линку,
Диким утом позови на чай
И озорянч,
Озорянч —
Уважани понятливость людскую!

Перевод с балкарского
Якова СЕРПИНА

Сталинградские руины 1943 года. Только с ним можно сравнить руины Суэца в году 1970-й.
Город с населением в четверть миллиона разрушен войной. Белый город, вытиснутый вдоль берегов синего залива, в том самом месте, где начинается Суэцкий канал.

Скелеты ангорских кошек. Сметены крыши, выбиты стекла, вырваны перегородки. Разворочены внутренности квартир. Распахнуты взором ступени и ступени. Лестничные пролеты — как белые пропости. Огромные бесформенные куски стен висят на арматуре и даже раскачиваются слегка. Улицы без транспорта и пешеходов. Точнее, неправдоподобно длинные кошки сиют по развалинам беснуемо, словно тень.

Город перелазит бомбежками с воздуха, иссечен артиллерийскими обстрелами. В отличие от Сталинграда здесь не было уличных боев. Суэц разбит зорло, превращен в руины, не слышно ни и то же время планировать, чтобы запугать, вселить страх, посеять панику. Враг и сегодня озлоблен тем, чтобы превратить руины в руины. Измывские батареи и взордовало всего в нескольких километрах от Суэца, на том берегу канала, голубая лача которого — фронт.

Рабы и омыга на белом лице города. Опаленные отсюда пальцы. И удивительно мирный, библийский пейзаж под солнцем, густо-синим небом, лишь только выйдешь на окраину и взглянешь на невысокие горные отроги, спускающиеся к воде.

Я не помню, чтобы в Сталинграде удалось хотя бы одно здание. Здесь же, в Суэце, в самом центре города, стоит, как ни странно, в целостности и сохранности старая гостиница «Бель эр». Ее архаичная архитектура, помпезное убранство и французское название [оно означает «Переносимый воздух»] — остатки наденной колониальной роскоши. Гостиница встретила нас, ятерых сосетских и египетских журналистов, гуляю по пустотам своих номеров, коридоров, гостиных, ресторана и бара. Особо примечательны в интерьере — в медных рамах, старинная, страдавшая по ремонту мебель.

В отведенной мне комнате, большой, с высоким потолком, голубоватые стены занимал шкаф. Древний, темноватый, обремененный архитектурными излишествами в готическом стиле. Когда я открывал его створки, он скрипел и дзвзгал, и меня обдавало запахом сухого дерева, дзвзгалом простоявшего в теплом помещении.

И вот именно здесь, в с особой силой ощутил всю жесточайшую беспощадность тех, кто разрушил мирный город. Разбил бомбами и снарядами все, что было, ирета этой гостицы и шкафа, очереди которых придет, чтоб может, сегодня ночью...

Да, Суэц разрушен не из военных соображений, а из холодного, гниусого расчета, который оказался, однако, прочетом. Враг не сломал защитников города, и сейчас он долбит развалины уже в беспыльной злобе.

В бунтине, на берегу залива, о бояхх бундиз Сидна нам рассказывал бригадир инженер Рундид Хафага. Простая комната в подземелье, стол с телефонными, солдатская койка. Командный пункт военного веренища. Генерал говорит:

«С самого начала агрессии 1967 года город под огнем. У меня не было ни военных объектов, и потому от бомб и снарядов страдало мирное население, которого нечало — 268 тысяч. Пришлось всех эвакуировать, причем буквально силой: каждый отдал закладку своей горды. Сейчас в Суэце остаются только люди, необходимые фронту».

После встреч с генералом мы ездили и ходили по городу в сопровождении бригады Мухаммеда Хафага. Это был человек в военной форме, с которым я больше знаком на фронте. Потому были еще встречи и знакомства, но не в плане впечатления, оставленное майором, не обслало, а в подробности, чтобы узнать штрихи, находило себе новые подтверждения.

Майор Хафага, добродушный и застенчивый богатырь, спокойный и приятный, совсем не похож на человека, который три года живет под огнем. И только мимолетно узнаешь, что майор ходит на ту сторону канала, во вражеский тыл, участвует в рисковых бояхх вылазках.

Мы идем с майором Хафабом по разрушенному городу. Идею, а не пробираемся через руины: все улицы пыльные, опасно лишь близо подойти к стенам разбитых домов. Оставшиеся в городе жители и солдаты расчищают улицы сразу же после очередного налета или обстрела. Поэтому, наверное, Суэц производит неизримо чуждое впечатление: остоы домов, вытиснутые вдоль чистых улиц.

Разбитые мечети, школы, больницы... И дома, дома, дома... Да, говоря военным языком, только мирные объекты. За городом чернеет гигантский костяк старого нефтеперерабатывающего завода, неподалеку — остатки завода удобрений.

Но одновременно нас не покидает удивительное чувство: это не мертвый, это израненный и срамающийся город.
Вот на перекурате газетный киоск. Обычный веселенький киоск, набитый газетами, журналами; жевательной резинкой, сигаретами, карандашами и еще бог знает чем. Правда, дочитос сооружею оболочить на горячий песок. Его хозяйка — женщина средних лет по имени Анда Ваха. Майор знакомит нас с ней [тепер в городе все знают друг друга].

Ваха работает продавщицей газетам на основное занятие. После по профессии она медицинская сестра. После очередного налета или обстрела она занимается своим основным делом, а в часы затишья торгует в киоске. В соседнем доме, на первом этаже, ее пункт скорой помощи. Он чист, просторен и хорошо оборудован. Анда рассказывает, что до войны это был приемный пункт врака, у которого она работала медицинской сестрой. Но когда началась война, она была вынуждена отказаться эвакуироваться, сославшись на свою профессию.

У нас многие, совсем шатские люди стали героями под вражеским огнем, — говорит майор, когда мы расстаете с Андой, и рассказывает о подвиге рабочего нефтеперерабатывающего завода Мухаммеда Садыка.

Во время бомбежки загорелся огромный бак с горячим. Рядом стояли такие же резервуары, угрожал взрыв невероятной силы. Единственный человек, обходящий на горячий бак, шланг, через который можно направить гасящую жидкость в очаг огня. Было ясно, что этому человеку назад не вернуться. И все же герой вышел. Рабочий Мухаммед Садык быстро забрался наверх, направил шланг в огонь, и тут же под сильным напором хлынула спасительная жидкость. Взрыв был предотвращен. И свершилось чудо — Мухаммед Садык остался жив! Обгорел, но выжил.

Так сражаются в Суэце даже те, кто не носит военной формы.

У нас в солдатских и офицерских мушкетрах уже давно обстреляны. Из окопал и блиндажам достается еще больше, чем городу. Но, как и жители Суэца, они оправдали думом, возмужали за три года войны, научились сражаться так, как и положено людям в военной форме.

Майор Хафага задрожал, как о привычной работе, рассказывает о последнем рейде в тыл противника.

— На том берегу вдоль канала стоят укрепленные пункты врака. Между ними патрулируют танки и бронетранспортеры. Мы решили потретьонить врага и добыть экипажа. В два часа ночи перерезали кабель. Для этого, как обычно, водозлаз натянули трос, и с его помощью мы переправились на резиновой лодке [грести неслезно: противник услышит]. Со мной было 12 человек. На лодке были два иреределанных пистолета, зачаложили камни и укрывались неподалеку. Обычно па-

труль проходил в 6.30 утра. На этот раз он запаздывал. Решили дождаться. В 8.15 оказалась над бронетранспортер и танк. Одновременно со взрывом мины мы открыли огонь из автоматов и противотанковых ружей. Все три машины загорелись. Экипажи бросились, архаискули. Нескольо солдат мы убили, одного взяли в плен и доставили в штаб. Бог и возвращение заняли семь минут.

Радостный вздох. На войне как на войне. Но бичность рассказа говорит о том, что майор и его боевые товарищи выполняют свой долг не только самоотверженно и сознательно, но и умело, профессионально.

Об этом, стою необходимой стороне военной службы зашел у нас разговор с подполковником Тауфиком, начальником зенитной артиллерии района.

Три года войны, — говорит он, — не прошли для нас даром. Мы многому научились. Главное — у бойцов не просто вера в правоту нашей лача, теперь она помножена на знания и умение. Зенитники стойко держатся под огнем во время чистых авиационных налетов. На днях один из батареи «Гибла самолет противника». Несколько израильских летчиков в отместку бомбили батарею четверть часа. Начался пожар. Вот-вот могли взорваться боеприпасы. Но все, как один, бросились засыпать боеприпасы, и опасность миновала. Так сражаются наши батареи. Даже ранение не покидают позиций во время боя. Пройдите на батарею капитана Самира, это рядом. За последние ассасы его артиллеристы сбили шесть самолетов.

Батарея капитана Самира. На самом берегу залива, в стороне от города. Позиция — в захворонках от бомб. Взяты в замло зенитные орудия. День и ночь у каждого из них дежурит боец — засыпать: враг отсюда в двух-трех минутах летит.

Капитан немногословен: Да, сбивает самолеты. Да, бомбит и обстреляет все время. Но мы привыкли. Научились нести немые потери, чем раньше. К тому же привыкли израильских летчиков летать высоко, а то, бывало, они над самой землей носились. Теперь боецы. А с большой высотой, сами планируют, прицельно бомбят нелегко сбросить».

Но сто пятьдесят километров протиснувший фронт вдоль Суэцкого канала. Параллельно ему тянется сосновная дорога. Даме сестра, в военную пору, она очень красча, зота и пыстна. Изредка прекосит по ней на большой скорости машина. Промелькает меж пальмами синя лача с застывшими в ней ракетами. Промельгнет дозоры у бойчих и редкие строения, покинутые их обитателями.

Минься в машине, и в голову не приходит, что чуть в стороне от дороги, совсем рядом, притаиски вониская чаша с сотнями бойцов, со сложными вооружениями и дозорами.

Машина тормозит. Идем по раскременному песку. Небольшой холмик маскирует вход в туннель. Пологий спуск. Еще две-три минуты — и мы в подземелье, долге, напоминающем своим размерам зал нашего метро. Такое фортификационное сооружение еще раз подтверждает, что армия ОАР многому научилась за последние время.

В штабе нас принимает бригадный генерал. Он говорит, что теперь враг став осторожнее, с берегов канала его отогнали в глубины ответные удары. Раньше, говорит генерал, враг гулял по Синаю, а теперь заглопал. Совсем перестал нападать ночью, да и днем старается не высовывать носа. Но авиационная и артиллерийская доминает».

Генерал вспоминает о недавней операции и иллюстрирует свой рассказ фотографиями. На них — другой берег канала. Высота и флаг ОАР над ним.

Ночью наш отряд переправился через канал, с боем захватил эту высоту и водрузил на

ОЛЬ КАНАЛА

Зенитчики Ахмед и Буши отражают воздушные налеты израильских самолетов на берегу Суэцкого залива.

Мирный город Суэц варварски разрушен авиационными бомбами и артиллерийским огнем.

Нил у Асуана. На полторы тысячи километров прогнанулась великая река по египетской земле.

ней флаг республики. Целые сутки противник пытался обить высоту. Наши оборонялись при поддержке артиллерии и авиации. На следующую ночь он по приказу вернулся на свой берег, но флаг реал и реал над высотой — наш огонь не давал подойти к нему.

Распрашиваем генерала о подземной крепости [над головой шесть метров грунта]. Он одобрительно отвечает о качестве фортификационных работ и подчеркивает, что ускоренным инженерным войскам сведены до минимума потери в личном составе.

Полдень. Генерал приглашает на обед.

Еще один подземный зал с очень высоким потолком. На обеде присутствуют все свободные от службы офицеры. Это уже традиция, как в израильской кают-компании. Здесь не только египтяне, но и офицеры из братских арабских стран, которые вместе со своими солдатами входят в состав частей.

Атмосфера непринужденная. Обильный, по-восточному разнообразный стол. Много фруктов и зелени. После обеда — сигарета. Спиртного здесь не водят.

Выходим наверх, на песок, под палящее солнце, которое после прохладного подземья кажется вовсе нестерпимым. Нам показывают место, где снаряд оборвал жизнь начальника египетского генерального штаба генерала Риада. Да, война. И без бинокля виден другой берег канала, где враг...

Следующая коническая часть неоминдана встречает нас холодком густого мангового сада. Могучие кроны надежно укрывают людей и боевую технику, но и здесь ангове запрятано глубоко под землей. Да, сегодня, в 1970 году, агрессор, если еще раз посмеет полезть, столкнется совсем не с той армией, что была три года назад.

Молодой полковник говорит нам о хорошем боевом настроении своих бойцов, о том, что теперь израильские танки патрулируют километрах в пяти от канала, а раньше негде было и в километре. Позавчера появились в поле зрения два вражеских бронетранспортера — их тут же подбили. Отлично действуют снайперы. Гораздо эффективнее израильтяков.

Но борьба идет тяжелая. Немало бойцов погибло с оружием в руках, когда они отбивали воздушные атаки. Недавно стал жертвой напавшей бомбы боевой друг полковника, опытный офицер, подполковник Фатх.

Полковник вызывает командира разведчиков капитана Ахмеда. Молодой, красивый, подтянутый, он появляется на глаза строев таких же бравых ребят, которые регулярно ходят на ту сторону канала. На днях притащили израильского старшего лейтенанта.

Я приписываю слова, сказанные опытным военным специалистом:

— Теперь египетские солдаты отлично выполняют все современные военные нормативы.

В этой краткой формуле большой смысл. И в бы отнес его не только к армии. Весь народ ОАР за эти три года внутренне собрался, он полон решимости бороться за справедливость, независимость и свои права, за земли, оккупированные агрессором.

Сегодня фронт не только голубая полоса Суэцкого канала. Сегодня он проходит через сердце каждого патриота. В это убеждаешься, когда едешь по ОАР. Созданы отряды гражданской обороны, готовые к борьбе, бдительные, уверенные в своих силах. Их уже нельзя заставить врасспех.

Я видел парад отрядов гражданской обороны на каирском стадионе. Его принимал Анвар Садат, вице-президент ОАР и председатель Высшего совета гражданской обороны. Мимо трибуны шли жители столицы, объединенные в отряды спасателей, пожарников, медицинских сестер. А затем они же демонстративно свою боевую выучку — четко, умело, уверенно.

Через несколько дней после парада вице-президент Анвар Садат принял нас в своем доме. Он так сказал о бойцах тыла:

— Сейчас комитеты гражданской обороны созданы повсюду, на всех уровнях. Их задача — защита населения и объектов во время воздушных налетов, оказание первой помощи раненым, наблюдение за порядком в тылу, забота о семьях фронтовиков. Короче говоря, это наша внутренняя армия.

Да, армия и народ республики едины в борьбе. И в этом — залог победы.

Анатолий
ЧЕРНУСОВ

РАССКАЗ

ерд Глебом Устиновичем голубым веером лежат экзаменационные билеты. Тут же, на столе, накрытом красной материей, стопочка зачетных книжек, экзаменационная ведомость с круглой техникумовской печатью, пепельница, которую он смастерил себе из ящика.

По билету отвечает студент по фамилии Вохашилия, отвечает напористо, темпераментно, нещадно коверкая надежи и путая мужской род с женским.

На занятиях Вохашилия частенько засыпал. Слушает, слушает, и вдруг веки с черными густыми ресницами медленно опускаются вниз, большой грузинский нос хлопот голову на грудь. Изначалу Глеб старался не замечать этого, но потом решил: беобразно! Никогда это не годится — спать на лекции. Надо задать ему вопрос, он, конечно же, не услышит, сосет толкнет Вохашилия в бок, разбудит, произойдет конфуз — пусть Вохашилия станет илювою.

Так и сделал. Прервав изложение нового материала, негромко адал

Рисунок
Олега ВУКОЛОВА

ВЕЧЕРНИКИ

спичку вопрос. Бохашвили задругнул, открыл глаза, встал и... толково, кратко и по существу ответил.

— Глеб только руками развел, группа рассмеялась, а староста пояснил: — Это спичка и так и так видит.

Бохашвили не на переносе подошел объясняться.
— Понимаете, Глеб Устинович... я мастером работаю. В цехе. Вы уж извините, что и иногда глаза закрываю. Работа такая. С утра переуставлюсь, как говорится, порог деха, и... как это?... брызги в колесе. Круглые, как Нибелунга, а тут ренг... так... Но... — он ослепительно улыбнулся и хитровато сощурился, — кой-какой цетры у меня не спит...

После Бохашвили в аудиторию вошел студент по фамилии Митин. Был он в первом классе, начал какой-то угнетенности. Они как бы высказывали, которому не везет, у которого жизнь не клеится; человек это понимает, и сознание своей неуезучести у него в линиях глаза, носа, в морщинах у рта, даже в походке и осанке. Ногоз неуверенный, брызги какие-то затупающиеся к концу, а в тоне голосовый вопрос: «молчал бы как...?» А в глазах будто бы просьба не обижать, не судить строго. Таким и был Митин. Робким шагом приближался он к столу и оцененно застыл.

— Зачеку, — потребовал Глеб.

Митин протянул.

— Берите билет.

Глаза Митина заскльзали по голубым листочкам и долго не могли остановиться на каком-нибудь из них.

— Берите, берите.

Выид, перевернул и начал читать.

— Номер? — громко спросил Глеб.

— А... — очнулся Митин. — Номер?.. Десятый.

— Берите бумагу и садитесь вон туда.

Издав какой-то звук, Митин сел. Он держал билет, но билет, идет, может зашустить, стукнуться обо что-нибудь и не заметит.

Садится. И сидит, бессмысленно перечитывая вопросы билета. В тоду перебивался с трючки на трючку, от доски уходил все замкомый, инушенный, будто разругнул вагон с цементом; так доставлял ему эти слабенькие трючки. В группе Митин отключался, как к дигно малому: слегка посмеивался, наверное, сочувствовал, может, жалел...

Отвечая между тем здоровеньки, с опасной адвокат, студент Зубанин. Поглаживая свою двойной подбородок, он солидным басом говорил совсем не то... А Глеб выполняла наблюдая, как милотиная молодая женщина по фамилии Дядюшина достает шпаргалку. Она будто бы рассенно смотрела в окно, а между тем рука ее под столом приподнимала кобу и навислакая бумажечка из-под тонких, цвета заграда, члок... — А... — прошепел Глеб.

Зубанин замолчал, решив, что это относится к нему.

Пришло объяснять ему, что говорит он совсем не о том, о чем спрашивается в билете, и Зубанин, не мортну глазом, все так же солидно и дост... продолжал бы к другому... —

Однажды Глебу срочно нужно было поспеть на завод. В бюро прощения сказали, что разовый могут дать в отделе кадров. У дверей с табличкой «Начальник отдела кадров» толпились люди. Дождавшись своего очереди, Глеб поступил, услышав: «Йдите!» — открыл дверь. За дверью пансионатом стояло несколько студент Зубанин, которому накануне Глеб внахит выдал... Глеб даже оторопел поначалу, но, встретив восторженный прием, осмелился изложить свою просьбу; а они мигом и почти что с наслаждением была удовлетворена.

Дядюшина спеша, Митин успело смотреть в одну точку, начальник отдела кадров Зубанин, преча зачеку в карма, направился к выходу, важный и довольный. На смену ему к столу подсел маленький седенький старичок с светлым взглядом из-под очков. Взгляд этот как бы говорил: да-да, конечно, я не геней, и не-ген, а далеко не геней, далеко! мне бы только диллом техника поучить...

Глебу вспомнилось, что однажды на занятиях, разная конструкция и работу сложного приспособления третей раз подьяр, он невольно подосадовал:

— Как вы не поймете! Дивенки вы с первого раза поняли.

— Так, Глеб Устинович, — заметая этот седенький, — у вас уже склероз, наверное...

Группа дружно рассмеялась, а у Глеба все досада точась и прощала. Трудно было с ними, с вечерниками, но и интересно. Вставал какой-нибудь товарищ и говорил:

— А у нас на заводе не так это делают... Приходилось мгновенно выкинуть, как там у них на заводе, сопоставлять с тем, как должно быть по науке, и иногда Глеб прямо залагал: кто... скажите своему мастеру, что он нарушил технологию.

Тогда занятия превращались в настоящее собрание. Каждому хотелось рассказать про свою работу, пожаловаться на неполадки в цехе, восвотывать, начинался спор, поднимался шум. Когда же раздавался звонок, Глеб только за голову хватался: опять не уложился во времени!

Вскоре он убедился, что отстает от программы уже на четыре чте, при всем желании не сможет догнать самого себя, а это означает, что программу не выполнит и кружных неприятностей с учебной частью не избежать. Так или и сказал, вечерникам:

— Товарищи, я не знаю, что делать... С одной стороны, хорошо, что мы столь основательно разбираем тему, но с другой... отстали мы на целых восемь часов...

Студенты молчали, и Глеб уже было покосился, что затеять разговор, пока не в... концов дело до его программы? Но тут встал староста группы и попроял:

— Глеб Устинович, вы нас извините... не может быть, вы на секундомер оставте нас... мы посвотеемся.

Глеб пожал плечами и вышел в коридор. Прогонившая пустынным

коридором и ломая голову над тем, что бы это все значило, он слышал, как вечерники митингуот; слов, правда, разобрать нельзя было.

Через несколько минут староста пригласил Глеба в аудиторию и, еше раз напомнив тему, по которым отставание, перенести на самостоятельную проработку.

— Мы уж не посим лишний час, а... Глеб был растерган, этого он не ожидал.

Но что делать с Дядюшиной? Она подошла и села к столу отвечать. Надо, пожалуй, собраться, сосредоточиться на мысли, что ему, оркестратору, следует быть сейчас бесстрастным, даже беспощадным. И непременно сказать ей о шпаргалках, о том, что он видел, как она, Дядюшина, свисала с потолка.

А может, не надо?

Просто сидеть и слушать, как она читает то, что у нее написано на листках, любоваться ее личиком, ее нежной шеей, ее красивыми руками, вдыхать тонкий запах духов, исходящий от нее...

— Простите, свисала она как раз на ваш вопрос, так листком бумаги... Напишите, пожалуйста, вот здесь формулу, по которой рассчитываются межперсональные припуски на обработку.

В ее серых чистых глазах появился страх, и она слегка порозовела, отчего похорошел и Глеб, Глеб тот же уже повисает о сестраном.

Опустил ресницы, Дядюшина с минуту сидела в растерянности, потом карандаш ее робко начал выводить знаки, и постепенно появлялась νέα формула, и были даны необходимые пояснения.

— Ну вот... — облегченным вздохом произнесла Дядюшина. — Оказалось, знаете, так зачем же тогда вы?... Он замолчал.

Она вначале не поняла, о чем он, потом поняла и теперь уже покраивала носом.

— Да так получилось... сказала тихоюю... — У меня же маленький... — и Глеб, как и прежде, не был подумал. Дядюшка же!...

— И вот заболел чуть-чуть. На минуту отойти нельзя... Только шпаргалки и успела написать... Я больше не буду, честное слово! Никагда! — И тут только кротко взглянула на преподавателя.

Глеб протянул ей заветную книжечку, с улыбкой сказал «пожалуйста» и до смывания... а на душе почему-то стало тесно.

А экзамен продолжался. И как Глеб ни складывал бы спокойный, эти подрагивающие вливые руки, эти затуманенные глаза, эти капельки пота на носу, изменившиеся голоса того или иного студента... — все это действовало на него, и ему то и дело приходилось успокаивать себя.

«Спокойно... говорил он самому себе... — Ты же преподаватель, тебе то... Ты сдал, слава богу, оного строгих экзаменов... Да и что такое казнь? Формальность, анализирование...»

И с каждым по-разному. Ничего не оставши, рассказывал все, что знает; из другого слова надо клещами выдрать; одного следует успокоить, другого подбодрить, в кое-ком и выговорить. Приходится и морщиться от косности, и возмущаться наглостью, и восклицать эрудитом, и звать его отсуля; приходится быть то твердым, то мягким, то беспечным, то наичуж...

Предпоследним отвечал староста группы, толковый, серьезный мужчина лет тридцати.

А Глеб все сидел над билетом, и видно было, что весь извелся. Узкие плечи под серым пиджаком сутулились, небольшое лицо, уже далеко не молодое, горело, руки растерянно скручивали и раскручивали бумажку. Время от времени Митин принимался гримать карандаш, и Глебу было ясно, что за эти три часа Митин так ничего и не вспомнил; двойка тут неизбежна.

— Что ж, пора, товарищ Митин.

Митин всколых, суевилю схватил билет и чистые листочки бумаги, предващенные для черновика, подошел. Потоптался возле стола и вдруг, побелев, стал выкрикивать:

— Да ничего я не знаю! Ничего! Как идю! В голове... ничего! И все это с отчаянием, с ненавистью к себе самому, к своей натуре. В неизменном волнении стал пытаться к двери и продолжал уничтожить себя, высказывая о себе самые дурные мысли, давно, давно, конечно, кончившиеся в ничто.

«...Поставить ему два — это значит подтвердить его мысли о самом себе, еще раз убедить его в том, что ничего-то он не может, ничтожество...»

— Стойте! — крикнул Глеб.

Митин задругнул и замер у самой двери.

— Какого черта вы раскисли? — сердито заговорил Глеб... Что это вы так легко сдались? Почему вы уступите беи богу? Да так ведь и в колеску можно превратиться! Раз упустил работу, другой... а потом вообще жить не станешь! И еще... как же это можно, Митин! Как можно жить с таким адом прощ себе самого? Да грощ вам цена, если вы не уважаете себя!

Ну... если, ничего не знаю... бормотал Митин, — если я, как идю... от себя, учия и все забыл... Но потом, когда его, видимо, все-таки задело, он тоже повисал головой. — Ну, что вы кричите-то?

— Ага-а! — протянул Глеб... Вот это другой разговор! Так и надо, черт побери! Не давайте вы себя в обиду, будьте истырыне, дерзайте как можно! Сейчас возьмите билет и садитесь, работайте! И не может этого быть, чтобы вы так-таки ничего и не вспомнили! Не может быть!

Митин медленно направился к столу.

— Так ведь лег же себе, — уже слыши ты, говорил Глеб... — Не могу, не способен... А вы попробуйте воевать. Даво вам еще час. Вспомните не по билету, вспомните другое и, что звать, может, найдете слава, логику, аналогично, списоте меня в конце концов... А то — давай! Митин сел на свое место и через час начал отвечать. Глеб задал ему навьюдные вопросы, волнодея его и наваятам, развенчавшим на стенах зала... убедившись, что Глеб знает, что Митин многое уловил и кое-что знает, поставил ему трыбуку и отпустил.

Выда уже полночь. Глеб сел на стул и долго смотрел на темное окно, ощущая в голове горячую волну усталости.

Имена «Преподаватели и студенты».

ТАЙЛЕРОВ

1982

96

казармы лейб-гардин Финляндского полка отделился от прочих створчатых, находится так называемый адютантский кабинет. Вокруг комнаты этого дома занимал офицер полка Павел Андреевич Федотов. Был он молодой, удачлив в службе — чины ему шли, от природы обладал талантами многообразными: имел приятный голос, играл на гитаре, флейте, фоготе, а уметь брался за нисты, все в один голос начинали твердить, что он законченный художник. Всех из офицеров, кто вечерами, собиравшихся после дежурства в наряды, поднимали к Федотову, был встречал шумным одобрением всею компанией в обязательные серпантином. Рядом с дверью стояла грифельная доска. С воем в руках подлетал к ней хозяин, и в мгновение она покрывалась рисунком, изображающим кощунство немцев римского генерала, бранящего со своим дешифром, или изображая без Русландом, пронзающих усатую голову, из-под которой сыпались игральные карты. Тут же появлялся гитарист, и на мотуви арий исполнялись импровизированные Федотовым цугуны и танго. Сюдейство в рисунку было разительное, да и мотуви всегда попадали в цель, но иногда не удавалось, но возможно было обидеться на этого человека: столько простояло в нем таланта и открытости было в его лице, столько истинной всеелости в его мимике! Его считали за хорошего человека.

Кто бы мог подумать, что двадцати восьми лет от роду откажутся от него блестящие карьеры, благополучия, устойчивой мимике. Выкажут люди, которые чувствуют в себе свои необычайные, требующие исхода и приложения. А может быть, живет в них страсть к подлинничеству, которая только до времени дремлет и не дает о себе знать?

Через несколько лет мы встречаем Федотова на одной из петербургских острин. В юноте он и угарно, за стеной кричат озорные дети. Но Федотов ничего не замечает. Часами, а иногда и днями, был заперт, он простиная за молльбертом. Волосы на его голове порывали, было сверло муловатым, глаза — постоянно красными от угара и усталости. Когда из кухни мерской простояла пятнадцатый обед, он ест быстро, не замечая вкушаний. В нем жила страсть, сейчас же теперь, как счастьем, сознанием цели, и которой он приближается невинно, — овладение тайнами искусства. Ощущение полноты жизни претерпевает в момент, когда наступает бой, а неудобства жизни для него как будто не существуют.

Вечером утром Федотов выходит на дальнюю прогулку по городу — он надеется был изобрести что-то новое, стало его страстью — по походе, минине, незначай брошенному слову отгадывать хараактер душевного движение. Он заглядывая в онаа убогих извинявшихся детей, ну и чувствовал неприличию, зато как интереси! Прикашивался на завалином. Вот зашел и знакомому чиновнику-пропойце по адресу долинку, тот скончался в дивана и сигаретке и даже в необычайном видом говори: с меня, брат, и я тоже нечего... Что делать, — зато сонетом какой великолепный! Сонетом делиться в голова в бесчинном инновесте. Большие глаза, поговори о рисунках. Под каждым рисунком теет в несколько строчек, а иногда и сентименталь и вымученный, а живой, с комическим моментом диа-

лог, так что у зрителя возникало ощущение, что он видит и слышит подсмотренную сценку. Вот, и примеру, неарташный с извозником расплачивается, роется в кармане: «Ах, братец, намется, дома забыл кошелек!» Сюжеты неэпатажны, подсмотрены в жизни — юморические картины нравов. Ощущая всю красоту форм, прелесть пластической линии, Федотов не мог прийти к искусству академическому. Слешим неустойчив был его интерес к обыкновенным человеческим характерам, неожиданным поворотам, когда человек самый серьезный выставляет себе с такой стороны, что становится смешон. Если при жизни называли его рисунки или авторели маринатурами в духе Хогарта, Федотов морщился. Каринатура идеальная. Разве это момент задатки для большого искусства? Послушайте людей: «Да, он работает, чтобы послужить людям. У него комический талант, так про него и говорят. Ну что же, старые мастера знали, что смех может согреть душу. Вот хотя бы его любимые «маленькие толстячки». Сколько раз в Эрмитаже он простоял перед полотнами Теньера, Ван-Остада и, если при этом были приятель, с жаром объяснял: «Посмотрите, как все устроено! Как нахальные! И будто все знакомы! — и этого толстяка и юрдасте и этого хромого, ох, какая прощай! И трагичнее, потому! А все-таки как становится, когда вы сами вслушиваете в себя! Заураутом проснись, вспомнишь их — то-то всморгнешь с полнотой радостной и добавляешь: «Ну и что же, что вы это все воспоминание об искусстве смешалось с твоим настоящей жизнью!»

Да, так происходит только с великим искусством — оно входит в жизнь людей, оно остается в ней. Но как постичь истинный секрет его? Голландцы писали сценки из жизни толстых людей. Они грелись у домашнего очага, стремились, жалуясь, утучнеть телла занять у безбратного сердца простого человека. О, вы не только умиллись, они были безжалостны, — они смеялись. Но от их карикатур тепло. Они умили вас, но вот секрет истинной всеелости и истинного искусства.

В веселые дни 1849 года вы взгляну в Академию художеств слыша потаща в Петербург. Повторяем мы о новованном свете, будто соединились в нем Теньер и Хогарт. И вот замечательное явление, о котором возгорается. Выставлены были уже известные публики «Разборчивая невеста», «Самый кавалер» и новое полове «Сватовство майора, или Поляничка обстоятельная». Помяните! Приобрести и картина не было никакой возможности. «Господа, я вдруг слышало восхождение, — пропустите автора!» И, пройдя через мгновение расступившись толпе, остававшиеся перед полотнами коренасты, широкоплечие публики, глаза его блещали озорно. «Милостивые господа, — начинаю он своеобразным говором, как размышлю на парадном помпозитесь, милости просия, денег не просия, денег смети, и парадом и кордою протри. Начинаться, начинаться, о том, как люди на свете живут, как мына на чужой стороне, как сватьботать ланяться, так на богатых нечестно».

Момет, светскую публику и короби балаганний стих, но никто и виду не подавая, поговори, поговори дивирал. Что делать? народный юмор теет в несколько строчек, а иногда сентименталь и вымученный, а живой, с комическим моментом диа-

миловещий достинств, неадекват ему присудили звание академика.

В списках по рукам ходила стихия Федотова «Тассудиние майора» — своего рода сопровождение и картина. Обличался там порядком бюрократические, вятковичество, коррупция, продвижение не только в среде чиновничества, но ставшим как бы законом жизни: «Только с прочими делюсь, а иначе беремся... Я либеральный круг круг провозглашал Федотова «художником с направлением», убежденно говорил об общинном смысле его полотна. Нашлись горячие головы, что с пафосом о его «Сватовстве»: «Тут не до смеха, трагические стороны жизни обнажаются, приподнимаются завеса над миром, где все продано, гнило, где господствует выкуп и выгоды!».

Федотов нравился, когда слышал он эти речи. Теперь, считал он, настоящих художников только так момет послушать людей — обличая и негодую. Идея Французской революции носилась в воздухе, камеры Петропавловской крепости уже мдали ревнители и провозгласили «социальной гармонии» — так в России вскоре стали называть петрашевцев. Среди друзей Федотова находились люди, неадекватно посещали дом Петрашевского. Да, он не мог быть в стороне от событий, но был ли он в своем сердце.

Чего «Сватовство майора» населяло не каринатурами и не сатирическими серпантинными вычислениями, оно оказалось непереподлинным — любовью в человекешии характере, человеческую личность. Художник наслаждался, выплесывая полужесткое невесту, — гуляя, кавалера, неважно, но как им ей хочется счастья! Малаяя простодушность в улыбке отца, готовый денюгом, а бравады майор, нервно подурочивающий, ус, весь подбирался в сознании неопровержимости момента, — ну, разве над ним можно идеваться? Как фигура! Как картинка восприняты и жизни, изнутри освещены улыбкой художника. Да! Федотов смеется, но в этом смехе — горячь, улыбка, искренность, социальность, смешение, — смешение, смешение, смешение! Идея, проиницип в тайне рисовалась, и человек, так мог смеяться человек с обыкновенным сердцем, открытым радостям и радости человеческого существования, ведь связывала его с людьми. Из этой связи и вытекала идеальная простодушная aura и идеалы добра.

Наступил 1852 год — последний год жизни художника. По-прежнему сиял жалким коноватком в чужой комнате, медов диваном, и благополучия. Обещание предоставить мастерскую осталось на бумаге, по-прежнему сидел в ожидании, пока начнется незачетливый. А ищется, жмандящая, любовь, любовь, любовь, любовь! Испугало ли их то, что фамилия его угроживалась во время прогулки над петрашевцами? Или наступила полоса невезения? Отец и сестры втайне радовались, что так рано уйдя от них! Испугало ли их то, что фамилия его угроживалась во время прогулки над петрашевцами? Или наступила полоса невезения? Отец и сестры втайне радовались, что так рано уйдя от них!

Знакомые не замечали в нем никакой перемены. Он по-прежнему много работал, возбуждая поговори об искусстве. О власти Прекрасного, которого звалю могут, самодержавности и которая перешила вея, проточивая, гасившаяся. Или наступила полоса невезения? Отец и сестры втайне радовались, что так рано уйдя от них!

ИСТИНА

название: «Анкор, еще анкор!» Вдохновения в первом и означает «еще». Офицер, умирающий от скуки в заштатном гарнизоне, учит собаку прыгать через палку и кричит эти слова. Денщик стоит у стены с трубой в руке. Без предметов в комнате сумрачно и малоразличимо. Сюжет заурядный, и картина вначале была заурядна как обычная жанровая сцена. Не только задумал, но и написал: реально очерчены, выписаны фигуры офицера и денщика, иррегулярных вояк, только вместо собак — котенок, офицер его дерзает, играет с ним. Такие сюжеты обычно нравятся публике. Только вскоре явился Федотов на этот сюжет писать совсем другую картину. Работу прервал, чего раньше за него никогда не водилось. Нанедала на холст тряпку, заватал его дубовым в угол. Не поделили не принался и краскам, то забывал о сюжете, в каком-то лихорадочном озарении работал даже по ночам. Много показало, что его вдохновенное руководство и ощущение.

Бьются люди, которые за один год промяукают столько, сколько другим не дано и за жизнь прожить. Выяют ху-

доминион, иррегуляр творческая жизнь которых способна не только вобрать в себя эпохи развития искусства, но еще пропредельнуть, предсказать и будущее его.

Как будто новой своей работой протиснулся Федотов с самим собой, с тем путем, по которому продирался, исповеданный страстного молчания добраться до вершин. А теперь он разрушил равнине все заповедные основы жанровой живописи. То, что составляло душу его искусства — усмешливый интерес и человеческим характерам, улыбка тепла всечеловеческого понимания и прощивания, — все сметено в этой картине. Сметено тоской. Да, именно это становится главным, определяющим, целью его живописных исканий — выражение тоски безысходной.

Взгляд художника не притгизают лица и фигуры героев. Голова офицера блуцена так низко, что ее не разглядеть, все фигура в тени, освещена только руна и задранна наверх ступия в носке. Утонул в тени денщик — его можно увидеть только по длинному чубуку, который он деринит в руке. Не останавливается внимание

ни на предметах, находящихся на столе, ни на деталях обстановки. Широкий, свободный мазок размывает контур, уничтожает очерченность, ограниченность предмета. Незаметно белого лобования материалом, фактурой платя, разнообразных бытовых деталей: исчезло письмо, как на мимистора, уступил место широкой манере. Все полно напряженности и драматизма. Но драматизм этот неопределен в картине, скужен. Как его вырвать — только позой, жестом, только расположением фигур на полотне? Художник прибегает к световой живописи, светловым контрастам. Торжественным и в то же время злощастным зинордом звучит красное — стол застал красной сизостью, рефлекс красного на стенах, тертью, рефлекс красное на стенах, на всех предметах. Особенно выделяется странный треугольник складного зеркала — как вершине на веточных крестах. Из углов ползет тьма, это она размывает очертание фигур, создает ощущение близорукости происходящего, она ограничивает, сжимает пространство, она уже поглотила денщика, она все способна поглотить. А между тем разыгрывается ма-

леньный спектакль. Ну, разве не забавно пудель прыгает через палку: «Анкор, еще анкор!». Почему же у зрителя вырывается в душу ужас, почему этот невнятный домашний спектакль кажется им не просто жалким, а страшным? На юмнической маске вдруг появляется трагический облик. Безнадёжность во всем — в позе офицера, монотонном движении собак, в застылости, одержанности окружающего, в тьме, растворяющей предметы. Время как будто остановилось. «Днем был без числа».

Знакомые не замечали в Федотове низких переверт. Нескромно чаще стал он маловаться на голоную боль, часами лежал с примочками на глазах. Как истинный художник, только полотно даверил он свою муку — муку одиночества, муку безнадёжности. Время растопало, уничтожило его светлые помыслы. Куда ему деть свою доброту, свою любовь к людям, как помыслить, послушать им? Осталось одно искусство, но что момент искусство без веры!

Павел Андреевич Федотов умер в один год с Николаем Васильевичем Гоголем.

Павел Федотов. «Анкор, еще анкор!». Масло. Государственная Третьяковская галерея.

„С ТРИБУН ВСЕ ПИШЕ“

Юрий МОСЕШВИЛИ

— Мечтаю встретить человека, который не будет говорить со мной о футболе.
— В футболе все специалисты. Подумать только — три миллиарда специалистов...

Начало разговора с Муртазом Хурцилава перед его отъездом в Мексику на чемпионат мира по футболу.

Одновременно на уроке географии в начальной школе, отвечая на вопрос, как выглядит наша планета, мальчик сказал: «Она похожа на футбольный мяч». Юный болельщик, сам того не ведая, внес существенную поправку в бытию — как это мы раньше не замечали, что бог создал землю по образу и подобию футбольного мяча? И тем самым благословил нас на грехи — миллиарды поклонников футбола могут «бомбить» спойлово.

Правда, Муртаз Хурцилава, начиная разговор со мной, несколько преувеличил, определяя в болельщики почти все человечество. Но его можно понять — ведь каждый известный спортсмен окружен болельщиками, которые севетуют, поучают, критикуют, просят, поздравляют, презирают, возносят, низвергают и вообще возводят футбол в ранг философского учения.

Я постарался понять намерения Муртаза и спросил свой вопрос вместе с намерением вволю порассуждать о задачах «атакующего защитника».

— МУРТАЗ, ДОРОГОЙ, ХОЧЕШЬ ТЫ ТОГО ИЛИ НЕТ, НО МЫ ВСЕ РАВНО ПОГОВОРИМ О ФУТБОЛЕ.

— Хочу и или нет, о футболе идет разговор даже дома, за обедом.

— ИТАК, ВСЕ-ТАКИ ФУТБОЛ!

— Да, мяч пока в центре моей жизни...

Андрей Петрович Старостин в своей известной книге «Большой футбол» писал: «Каждый футбольный мяч — это мясцо. Сыграли вы хорошо — до следующего матча вы мяснинник. Следующий матч плохо — забыты ваши мясцы. Нужен новый успех».

Всегда точное наблюдение старейшины советского футбола не совсем применимо к Муртазу Хурцилаве. Даже после самого неудачного матча тбилисского «Динамо» Хурцилава — мяснинник. «Если бы во оп — было бы хуже», — говорит в таких случаях тбилисцы.

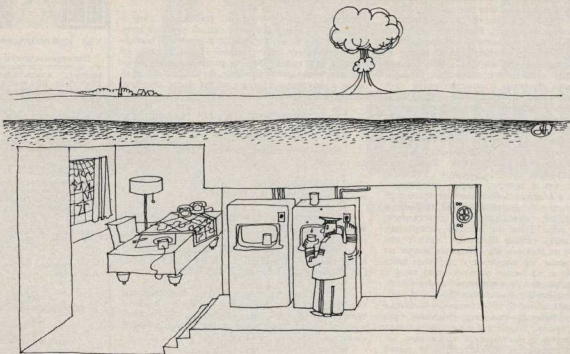
И вообще весь путь Муртаза в большой спорт полон парадоксов, противоречий и любопытных случайностей.

Парадокс № 1: этот футбольный атлет, игрок международного класса, защитник современного плавца, стабильный, надежный, ставший не только грозой нападающих, но и грозой вратарей, забил свой первый в жизни гол... в собственные ворота.

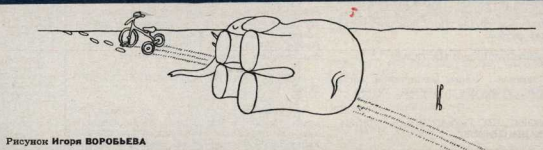
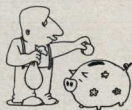
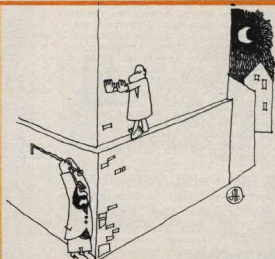
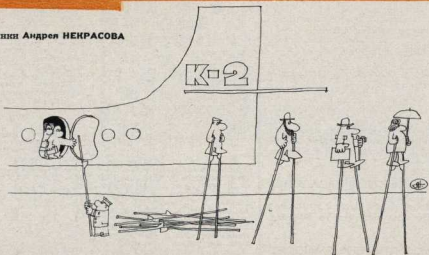

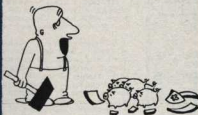

Рисунки Андрея НЕКРАСОВА

Рисунки Игоря ВОРОБЬЕВА

Рисунки Анатолия БУДИЛОВА

Рисунки Олега ТЕСЛЕРА

КРОССВОРД

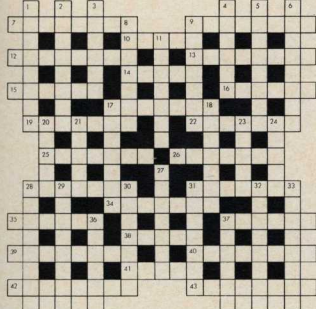
Составил П. СТАРОСТИН, ст. Ламин, Тамбовской обл.

По горизонтали:

По вертикали:

7. Опера Ж. Оффенбаха. 9. Трудовой инструмент. 10. Лососевая рыба. 12. Лирическая песня. 13. Народный артист СССР. 14. Специализированное хозяйство колхоза, совхоза. 15. Горная порода, строительный материал. 16. Радиоактивный изотоп водорода. 17. Художник, Герой Социалистического Труда. 19. Герой романа Н. С. Гурженева «Насканила». 22. Пустыня на севере Чили. 25. Узбекский астроном XV века. 26. Советский писатель. 28. Столица автономной советской республики. 31. Персонаж оперы М. П. Мусоргского «Хованщина». 34. Разновидность гипса. 35. Фольклорный жанр. 37. Минеральная вода. 38. Металл. 39. Исландский живописец XVII века. 40. Советский летчик-космонавт. 41. Озеро в Финляндии. 42. Название площади в городах Среднего Востока. 43. Плотность хлорофилламанка тляки.

1. Женская обувь на Украине. 2. Максимилианский живописец, лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 3. Композитор, автор оперы «Сладкая Фигаро». 4. Древнегреческий философ. 5. Наука о растениях. 6. Порт в Японии. 7. Советский музыкант и композитор. 9. Картина М. В. Громова. 11. Спутник планеты Уран. 17. Роман Бориса Гребенникова. 18. Неотъемлемое свойство предмета или явления. 20. Отделенная отрасль знаний. 21. Морской хищник. 23. Горная обработка металлов. 24. Один из организаторов народного ополчения, освободившего Москву в 1612 году. 27. Опера П. Чайковского. 28. Вид письменного стола. 29. Сорт яблон. 30. Толщина для режущих лезвий. 31. Слово, отличающееся от другого по звучанию, но близкое ему по значению. 32. Город в Красноярском крае. 33. Название высших научных учреждений. 36. Опреснительный. 37. Химический элемент.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД. НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

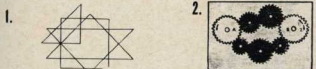
По горизонтали:

По вертикали:

4. Тампер. 7. Векер. 8. Овечь. 9. Шушунское. 11. Лемех. 12. Тыгра. 13. Иртыш. 15. Этика. 16. Путь. 20. Артем. 21. Даяно. 23. Роль. 24. Алмазов. 25. Тимур. 26. Алмир. 27. «Селькор».

1. Штраух. 2. Геолог. 3. Кербель. 5. Планета. 6. Кадмров. 9. Шенетова. 10. Вильямов. 13. «Искра». 14. «Шгор». 17. Графиро. 18. Стебель. 19. Тюлений. 22. Озерси. 23. Родари.

На этом рисунке шесть геометрических фигур. Посчитайте, сколько фигур каждого вида.

Все семь колес сцеплены между собой. Передаточное колесо А движется в направлении стрелки. В каком направлении должны двигаться колесо Б?

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ «СМЕНЫ» № 10

Музыкальная партитура для голоса и фортепиано. Включает ноты для голоса и фортепиано с русскими текстами. В начале ноты для фортепиано.

ЛЮБОВЬ ВСЕГДА ПРАВА

Слова Сергея ГРЕБЕННИКОВА и Николая ДОБРОНРАВОВА,
Музыка Арно БАБАДЖАНЫЯНА

Светят глаза твои, как заря во мгле...
Верю, что есть любовь на земле!
После разлук и тревог
вновь им с тобой одинок...
В сердце своем эти дни сохраним...

Горьким словам чужим ты не верь,
мой друг,
Верность свою храни в дни разлук...
Может предать красота,
— могут солгать года,
— Только любовь не предаст никогда!

Припев:

Вновь в душе моей цветут
зори любви,
Вновь зовут меня, зовут
песни твои...
Будут грозы, про шумят ветра,
— На земле всегда любовь права!

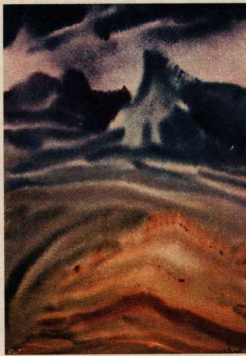
Припев:

Вновь в душе моей цветут
зори любви,
Вновь зовут меня, зовут
песни твои...
Будут грозы, про шумят ветра,
— На земле всегда любовь права!

Весна.

Солнечный день.

Дыхание гор.

ТАК ДЫШАТ ГОРЫ

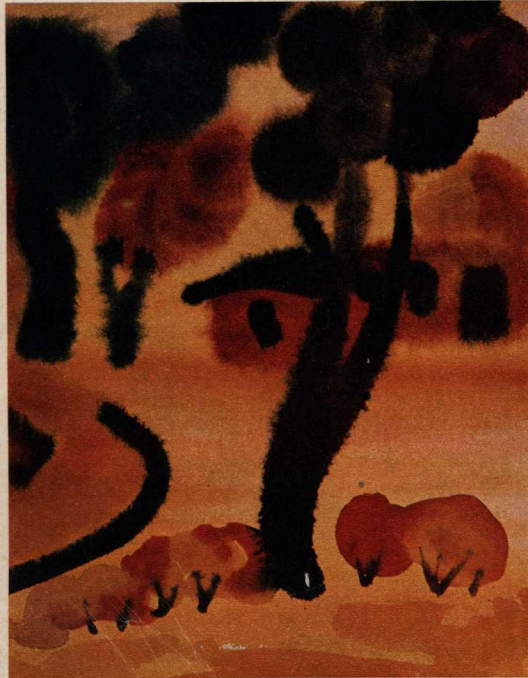
Неомидално точное сочетание красок: синие, темнотеловые, местами густозеленые, и вдруг словно гигантский огненно-маллиновый язык пламени полосуил по пригнатиому небу. «Дыхание гор» — так назвал свою картину молодой армянский архитектор Арцвина Григорян. И даже тот, кто никогда не видел гор Армении, изумленно согласится, узнав и поверив: да, так дышат горы. Зрители доверяют художнику Арцвину Григоряну, потому что в своих работах он идет от достоверности чувств, ощущений, от передачи собственного, не детального, а чувственного восприятия природы родного края.

Это как бы вторая сторона его творчества, потому что прежде всего Арцвин Григорян работает главным архитектором проекта института Ервандианцев. И талант Григоряна как архитектора заключается в том, чтобы увидеть природные особенности ландшафта и правильно использовать их, использовать так, чтобы человек жил не просто в доме, но в своем доме, а в своем городе не отрывался от природы, чтобы гармоничное развитие человека происходило в естественной окружающей. Этому посвящена не только основная, «долгостная» ра-

бота Арцвина Григоряна, но и его будущая диссертация. И затем объясняется его особенно пристальное внимание к природе родной Армении. Так и родятся цели анаварелей «Край моего края», Анаварелей, необычных для архитектора, который должен был бы особенно пристрастным быть к деталям, подробностям, но представляющих нам художника, стремящегося к обобщениям, к точной передаче настроения и чувства, которое навевают «натура».

Техника Арцвина Григоряна — а он известен в республике не только как архитектор, но и как художник — принципиально отличается от знаковой нам техники русской анаварели, где господствует принцип отыскания, когда один цвет как бы «накладывается» на другой, Григорян берет мушкетерский цвет сразу, поэтому так густо колоритно, так человека на привычную прозрачность анаварели его работы. Но так требует «натура»: природа Армении темне и на такую другую человека, и только она подсказывает, дарит своему художнику те неожиданные краски, которые дано увидеть только тем, кто замечает, как дышат горы его родины.

Наталья ДМИТРИЕВА

Старое дерево.

